

КОСТЁР

7
ИЮЛЬ
1998

В этом номере:

АЗБУКА ИНТЕРЕСНЫХ СЛОВ

РАССКАЗЫ О ПЕТЕРБУРГЕ

КОНКУРС ЮНЫХ ДЕТЕКТИВОВ

«АХ, ЛЕТО...» — ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

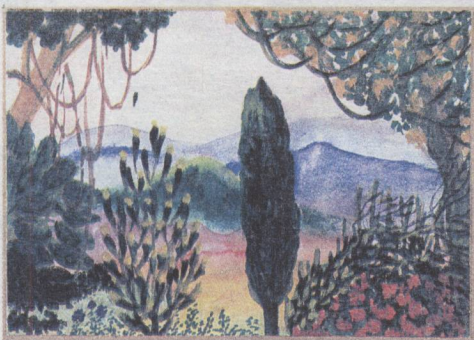
МИФЫ ЗВЕЗДНОГО НЕБА

ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНОК

«ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПОЛЕТА»

ISSN 0130—2574

КУЧИНСКАЯ Галья, 13 лет. «Сказочная страна Индия»

СЕРГЕЕВ Рома, 6 лет. «Конь-огонь»

ЛУБЕНКО Володя, 11 лет.
«Георгиев-победоносцев»

КОРОЛЕВА Саша, 13 лет.
«Суздаль»

ЧОНИНА Лена, 11 лет. «Лето идет по Петербургу»

«ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

С ПОЛЕТА!»

«Мечта... Нежданно, негаданно пришла она, твоя долгожданная мечта», — написала в своей песне школьница Михайленко Оля. А о чем мечтаете вы? Скажете, что разные люди мечтают о разном, но наверняка согласитесь, что все дети мечтают о лете. Ведь летом каждый волен заниматься своим самым любимым делом. Кто-то будет читать с утра до вечера, а кто-то играть в футбол или конструировать модели, а может быть, уйдет с друзьями в дальний поход.

А вот ребята из Санкт-Петербурга, которые учатся в Малой Академии искусств, с наступлением каникул займутся весьма необычным не только для детей, но и для взрослых делом. Ведь выполнить мозаику-картину, собранную из маленьких разноцветных кусочков смальты, удается немногим мастерам даже среди профессиональных художников! А для мальчиков и девочек из Малой Академии искусств создание мозаик стало делом привычным и любимым.

Как только наступают теплые летние дни, юные художники выходят из классов, где они увлеченно постигали тайны творчества, и начинают создавать картины не на бумаге, а на... стенах домов. Да, да, не удивляйтесь, а если не верите, загляните на Фонтанку, 2, во двор, что расположен рядом с Летним садом, как раз напротив Летнего дворца Петра I. В этом старинном петербургском квартале, в самом «сердце» города родилась 14 лет назад необычная школа. В нее принимают и дошкольников, и ребят постарше. В этой школе не ставят оценок и не отбирают желающих заниматься по способностям. Владимир Васильевич Лубенко, художник и основатель Малой Академии искусств, убежден, что талант есть в каждом человеке, надо только помочь ему развиваться. Научившись создавать красоту, воспитанники Малой Академии дарят свое искусство людям, живущим вокруг. И постепенно, шаг за шагом, серые поверхности фасадов жилых домов во дворе покрываются сказочным ковром многоцветных мозаик. Непростое это дело: когда работаешь с быстро застывающим цементом, важно не только художественное мастерство, но и скорость, ловкость, выносливость. Конечно, это работа для ребят постарше, но и малышам находится занятие: разложить по тону цветную смальту, подобрав цвета к тому или иному фрагменту, помочь советом. Ведь в Малой Академии принято внимательно прислушиваться к мнению любого, как старшего, так и самого маленького участника.

И вообще, коллективные работы, в том числе с педагогами, стали традицией в «школе Лубенко», как ее многие называют. Недаром такую высокую оценку специалистов заслужили монументальные росписи, выполненные учащимися Малой Академии искусств в интерьерах Дворца бракосочетаний, детского сада, роддома в Петербурге, в Республиканской детской библиотеке в Москве. Особенно ответственной и сложной была роспись, украсившая стены кафе артистов балета в Мариинском театре в Санкт-Петербурге. Воспитанники Малой Академии сумели передать зрителю атмосферу театрального действия, увлекающую магию танца. И в немалой степени этому способствовало то, что о театральном искусстве учащиеся Академии знают не понаслышке: все они учатся не только рисовать, но и петь, танцевать, сочинять стихи и сценарии спектаклей, в которых потом сами выступают на сцене учебного театра Малой Академии искусств. Приобретая необходимый опыт в учебных выступлениях, ребята включаются в труппу Театра слова и музыкальной пластики «Истина», где выступают вместе со взрослыми актерами-педагогами Малой Академии. И нередко школьные каникулы превращаются для них в гастрольные поездки. Так за последние годы ребята побывали в Москве и Краснодаре, Сочи и Кневе, где выступали на сценах крупнейших театров.

Какими бы видами искусств ни занимались учащиеся Малой Академии, прежде всего они пытаются понять внутреннюю природу изучаемого явления.

Рисунок «Тайна ночи» на обложке выполнен Машей Щигорец, 12 лет, ученицей Малой Академии искусств Санкт-Петербурга

Роспись Дзержинского районного ЗАГСа в Санкт-Петербурге

Так, например, уроки пантомимы помогают не только ощутить пластику движений, форму различных природных явлений, но и лучше понять их характер, назначение.

А вот какие стихи родились у Наташи Киселевой на уроке живописи, когда ребята исследовали сущность света и тени:

*Стремление в будущее дня,
Летающее, прямое,
Как будто тонкая струна
Поет солнце земное.
И разливаётся в тиши
Прекрасный жизни звон.
Свет — это жизнь, стремление вверх,
Свет — разума закон.*

*Тень и свет — два разные начала.
Мы, на протяжении многих лет
Думаем, что с ходу понимаем,
Что такое тень и что такое свет.
Тень в земле —
Спокойствия предвестник,
Чуждого для жизни и ума,
Тень в душе —
Недоброй думы вестник,
Сердце как в тиски берет она.*

Уже на первых занятиях 5—7-летние дети исследуют, что такое человек и животное, разум и чувства, размышляют над жизнью и смертью, добром и злом. И воплощают свои мысли в рисунках, стихах, песнях и танцах. И неважно, что сначала девочки и мальчики не знают, что такое рифма или стихотворный размер. Главное, чтобы стихи рождались.

«Как же так, неужели одни и те же дети создают мозаики и росписи, сочиняют песни и играют в спектаклях, причем дети, не проявившие себя в какой-либо творческой деятельности до поступления в Малую Академию искусств?» Этот вопрос задают часто. Главное, чему школа учит своих учеников — это уменью размышлять о мире, о природе, уменью слушать и понимать себя и других людей, не спорить, не враждовать, но находить общую или, как говорят в Академии, «стержневую истину». Ведь эгоистичный, злой, ленивый, неспособный управлять своими желаниями человек никогда не сможет стать великим художником, музыкантом, поэтом. И наоборот, доброта, ум, организованность рождают красоту души и тела, рождают великую личность человека и творца.

Послушайте, что написал Гордеев Саша, размышляя о простом семечке: «Я считаю, что моя жизнь — самая интересная! Началась она с полета. Ветер поднял меня и с легкостью понес над огромным миром». Наверное, так, с полета, и начинается все прекрасное.

ИТОГИ КОНКУРСА «К 100-ЛЕТИЮ РУССКОГО МУЗЕЯ»

(условия конкурса в № 3 «Костра», ответы — в № 4 «Костра»)

Правильные ответы прислали: АРСЛАНОВА Рената (Кировская обл.), БОЕВ Михаил (Калининградская обл.), БОРОВИК Артем (Тюменская обл.), ВАСЕНЕВ Вячеслав (Курск), ГАНЕЕВА Алия (Башкортостан), ГЕНВАРЕВА Юлия (Оренбургская обл.), ЗВОНКОВ Андрей (Мурманск), КИЗИНБАЕВ Дима (Башкортостан), МИХАЙЛОВА Света (Республика Марий-Эл), МИНИНА Марина (Свердловская обл.), МУСТАФИНА Ирина (Башкортос-

тан), ОМЕЛЬЯНИК Тая (Челябинская обл.), ПОДГОРЕЦКАЯ Инесса (Молдова), РУБЦОВ Роман (Томск), САЛЬНИКОВА Полина (Петербург), СОЛНЫШКИНА Марина (Ставропольский край), ТИЛЬ Федор (Мамоновщина), УЛИТИН Женя (Тольятти), ФОМИНА Люда (Волгоградская обл.).

Пятерку лучших определил жребий, как и было оговорено в условиях конкурса. Победителями стали: БОЕВ Михаил (г. Советск Калинин-

градской обл.), ГЕНВАРЕВА Юлия (село Емельяновка Оренбургской обл.), ЗВОНКОВ Андрей (г. Мурманск), ОМЕЛЬЯНИК Тая (г. Сатка Челябинской обл.) и ФОМИНА Людмила (г. Жирновск Волгоградской обл.).

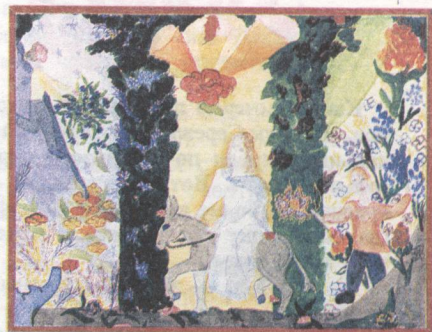
Победители получают призы, представленные Дирекцией Русского музея — книжки-проспекты с прекрасными иллюстрациями. Поздравляем победителей и благодарим всех конкурсантов за интересные письма!

Цикл «Дорога жизни», «Красота». Коллективная работа

ЩИГОРЕЦ Маша, 12 лет. «Иллюстрация к "Библии"»

КУРДИНА Настя, 12 лет.
Эскиз росписи кафе

Писатель ВАЛЕНТИН САВВИЧ ПИКУЛЬ (1928—1990), семидесятилетие со дня рождения которого отмечается в этом месяце, автор многих исторических романов. Особое место в его творчестве занимают произведения, посвященные Российскому флоту. И это не случайно: в годы Великой Отечественной войны он окончил школу юнг и уже в пятнадцать лет служил на боевом корабле. Одну из новелл В. С. Пикуля о героях-моряхах мы и предлагаем вашему вниманию.

Валентин ПИКУЛЬ

НИЧЕГО, СИНЬОР, НИЧЕГО, СИНЬОРИТА!

Давняя традиция русского флота — быть в Средиземном море. Исстари так уж повелось, чтобы российский андреевский флаг — от Дарданелл до Гибралтара — гордо реял над идеальной синевой. К этому флагу здесь давно все привыкли, и казалось, без русских кораблей чего-то даже не хватает...

Я рассматриваю старинные фотографии. Вот тихая улочка Гарибальди — по ней бежит ослик; над витринами лавок, истомленных полуденным зноем, ползут белые тенты; молодая итальянка поливает цветы на балконе. Но... что это? По берегу моря бредут полуобнаженные люди с узелками в руках, а впереди мальчик в рваной рубашке несет надломленное распятое. А вот еще уникальный снимок: из груды битого кирпича высовывается тонкая рука женщины. Уж не эта ли рука еще вчера наклоняла кувшин с водой над цветами?

Итак, читатель, мы с тобою в Сицилии.

.....
 Был поздний вечер 14 декабря 1908 года. Практическая эскадра Балтфлота (броненосцы «Цесаревич» и «Слава», крейсера «Адмирал Макаров» и «Богатырь») зимовали в теплом и ароматном климате сицилийских прибрежий.

— Райская страна, — сказал контр-адмирал Литвинов, когда ужин в кают-компании закончился и вестовые уже ставили в буфет серебро. — Даже не верится, господа, что в Питере сейчас дворники скребут снег с улиц, а по Невскому, «бразды пушистые взрыва, летит кибитка удалая...».

Под стальными настилами бронированных палуб мягко вздрагивали машины, работающие «на подогрев». Пахло морем, манильской пенькой, крепкой мадерой и апельсинами. Команда уже «отошла ко сну», офицеры, позевывая, разбредались по своим каютам; Литвинов и старший врач Практической эскадры Новиков поднялись на спардек «Цесаревича», оглядывая пустынный рейд порта Аугуста.

— А великий господь Бог, — произнес врач, — похоже, вновь запаливает над Сицилией свою старинную лампадку... Владимир Иванович, вам не кажется, что дымком откуда-то потянуло?

Из отдаления — за городом Катания — желтовато светилась Этна, и дым с паром, выползая из кратера, словно теплое одеяло укрывали лимонные рощицы, виноградники и посевы.

— А ведь завтра нам раненько вставать.

— Да. Еще до восхода солнца буду снимать эскадру с якорей. Предстоит отработка учебных стрельб с классом гардемарин...

— Спокойной вам ночи, Владимир Иванович.

— Не уверен, милейший док, что она будет спокойной. Честно говоря, мне что-то не нравится поведение Этны...

Ночью адмирала разбудил вахтенный офицер:

— Прошу прощения, что обеспокоил. Не могу понять, что стряслось. Вдруг послышался странный гул, и все броненосцы, будто сам сатана ухватил их за кили, развернулись носами в открытое море. Из города донеслись крики; потом... тишина.

Контр-адмирал сунул ноги в каютные шлепанцы.

— Здесь такое бывает часто. Наверное, итальянцев малость трянуло. Пусть горнисты играют: «Вставать. Койки вязать».

Чадя дымом из широко расставленных труб, корабли уходили в смутный рассвет, и там, вдали от городов и людей, где никто не мог помешать им, они обстреливали квадраты пустынного моря, в щелы разбивая воображаемого противника. Практическая эскадра исправно выполняла учебную задачу, и к вечеру бивни форштемней развернулись на обратный курс — к берегам Сицилии.

Этна издали уже светила им своим дымным факелом. Якоря с грохотом «забрали» грунт в свои раскоряченные лапы.

— От боевых постов отойти. Чехлы закинуть!

— Ужинать, — отозвался Литвинов и, подтянув на руках перчатки, шагнул в провал шахты трапа, уводящего с мостика в низы.

Но к борту «Цесаревича» уже подваливал катер командира порта. Итальянский офицер еще от самой воды закричал:

— Помогите, чем можете... На вас вся надежда!

Литвинов перенял из его рук телеграмму местного префекта, в которой сообщалось, что Мессины более не существует, железная дорога от Катании уничтожена, телеграфы молчат.

— Спасите, — умолял командир порта Аугуста...

Пять горнистов вскинули к небу звонкие трубы (сигнал: «По местам стоять. С якорей сниматься»).

— Крейсеру «Богатырь» остаться на рейде Аугуста, — велел адмирал, — дабы обеспечить радиосвязь между Сицилией и Калабрией. Господа, — повернулся он к офицерам, — мы должны сделать все, что в наших силах. А что не в наших силах, мы тоже обязаны сделать. Иначе нельзя...

Три корабля России уходили в сторону Мессины, разводя перед собой волны неестественно молочного цвета. Черное небо низко присело над их мачтами. Матросы и гардемарины всю ночь трудились как муравьи, таская по трапам носилки, медикаменты, палатки, саперные принадлежности, ящики с консервами, кипы кальсон и тельняшек; баталеры спешно резали простыни — на бинты, на бинты, на бинты. Заготовили десятки и сотни верст бинтов!

Слева протекала Сицилия, справа вырос берег Калабрии.

Корабли входили в Мессинский пролив, который издревле стерегли два легендарных мыса — Сцилла и Харибда (нынешние Силла и Каридди). Последние обороты винтов рвали белесую, неприятного вида воду... Флаги были приспущены — в знак выражения международной человеческой скорби!

Оставшийся в живых мессинец потом рассказывал:

— Перед тем как земля вздрогнула, мы услышали грохот. Я прислонился к стенке, потому что ноги меня не держали... Мебель скакала по комнатам как сумасшедшая. Стекла лопались не как обычно, а как-то особенно звонко. В разбитые окна тут же врвался горячий ветер. Еще ни один дом не рухнул, а над городом уже пронесся всеобщий стон, который Мессина, прежде чем ей умереть, обращала к небу... Больше меня ни о чем не спрашивайте!

Деревья и столбы стали качаться, булыжники вертикально выскакивали из мостовой, как мячики. Мессина спала, когда стены домов вдруг разлетелись,

словно осенние листья. Всего несколько секунд — и Мессины не стало, а 160 000 человек были тут же погребены в хаосе камней, карнизов, стропил, балок, мебели, утвари, посуды и кроватей... Над городом выросло большое черное облако, из которого наружу выбивало многоголосый вопль погибающих.

Когда трясется земля, природный инстинкт заставляет человека спасаться у моря. Оставшиеся в живых кинулись бежать на великолепные набережные мессинского Палаццато и там взывали у моря:

— Aiuti ... aiuti! (Спасите... на помощь!).

Но стихия слепа — вот в чем весь ужас стихии...

Колонны дворцов падали замедленно, как в кошмарных снах; стены Палаццато с треском разрушились, осыпая несчастных камнями. Но с моря уже шла на Мессину гигантская волна, и цунами обрушило на людей многие тонны водяных масс, а паромы, поднятые над городом, падали днищами на плиты набережных, давя все живое. Титаническая волна вкатилась в улицы, постепенно ослабевая в кривых переулках, среди руин, и схлынула обратно в море, унося в бездну кричащих людей. Эта волна оставила на земле биться и умирать глубоководных животных, один вид которых внушал омерзение (и которые до этого были совсем неизвестны науке). Но их было три, таких волны, и цунами обрушивались с интервалами в пятнадцать минут. От разрыва кораблей загорелись в городе газгольдеры, потом вспыхнули нефтехранилища и горящая нефть побежала по улицам Мессины, с шипением сбегая в воду, продолжая полыхать в гавани... Теперь горело и море!

— Aiuti, — кричали живые, — aiuti...

Они кричали! Но некоторые потеряли дар речи. Известный ученый Чезаре Ламброзо писал: «В момент катастрофы 300 рабочих, готовых войти на фабрику, остались на улице и чудом спаслись, но они так обезумели, что когда директор хотел произвести переключку, то никто из них не назвал своего имени — они не могли его произнести». А русские корабли приближались...

*О, люди и улицы нежной Мессины,
Приветствуйте каждого русского сына...
Движимые к людям любовью высокой,
Пришли из страны вы — великой, далекой.*

Практическая эскадра якорей не бросала, ибо грунт под морем ходил ходуном. Броненосцы работали машинами, удерживая себя в дрейфе возле Мессины — еще содрогавшейся в затуханиях катаклизмов земли и моря.

— С Богом! — сказал Литвинов, крестясь. — Врачей, фельдшеров и санитаров высаживать с первыми

шлюпками, обратно забирайте раненых, детей и женщин... Братцы! — обратился он к матросам. — Всегда помните, что вы — русские...

Итальянская журналистка Матильда Серао писала:

«В истории Мессины были тысячи страниц человеческой доброты и щедрости. Но самую первую, самую вечную и самую нетленную страницу в эту историю вписали они — светловолосые славяне, столь сдержанные на вид и столь отзывчивые на деле...».

Мессина еще с грохотом разрушалась, когда русские моряки вошли в эти грандиозные руины, как в пламя ужасной битвы. Каждый из них сохранил в своей памяти что-то свое, незабываемое. Один помнил человека с оторванной рукой, который бежал куда-то, ничего не видя. Другой запомнил мертвых супругов, убитых в кровати, застрявшей под самой крышей дома. Третий видел, как из окна четвертого этажа, связав простыни в жгут, спускалась при свете пожаров обнаженная девушка, а ее сестра, уже мертвая, зацепилась за карниз балкона и свисала вниз головой над провалом улицы...

Матросы пошли — как в атаку.

— Давай, давай! — кричали они. — Давай, работай...

К кораблям уже подваливали шлюпки с первыми ранеными. Матросы не знали итальянского языка, а потому всем мужчинам и всем женщинам говорили только одно:

— Ничего, синьор... ничего, синьорита...

Услышав где-либо стон, доносившийся из-под завалин, они разбрасывали камни и балки, чтобы добраться до задавленных, но еще живых людей. Лом или кайла в таких условиях не годились — можно было поранить человека под обломками. Всю основную работу матросы проводили голыми руками. А иногда приходилось разбирать горящие завалы — и опять-таки голыми руками!

Офицеры и гардемарины трудились с матросами наравне...

Вечером Мессина испытала еще один толчок, и знаменитая церковь Аннунциатта ди Каталони, краса и гордость Италии, строенная еще на заре человечества, рухнула. Под обломками зданий теперь оказались и многие наши матросы. Шлюпки доставляли на корабли не только спасенных, но и самих спасителей — обгорелых, с переломами рук и ног, с пробитыми черепами; в корабельных лазаретах неустанно визжали пилы — ампутация шла за ампутацией.

На помощь русским пришли корабли английские и французские; прослышав о беде, поворачивали на Мессину пассажирские лайнеры; на полных парах причалили русские канлодки «Гиляк» и «Кореец», до этого ходившие возле берегов Кипра. На улицах города застучали выстрелы — все мародеры расстреливались на месте, без суда и следствия. Русская эскадра выставила караулы около префектуры и развалин Аннунциатта ди Каталони; скоро на борт крейсера «Адмирал Макаров» матросы с трудом взвалили несгораемую кассу итальянского банка.

— Двадцать пять миллионов лир, — сказали они, вытирая пот. — Можете пересчитать... копейка в копейку!

Чезаре Ламброзо, как психолог, заметил: «Дети оставались по три дня на подоконниках третьего и четвертого этажа, имея вокруг себя со всех сторон пропасти, а между тем не давали ни холоду, ни головкружению, ни усталости, ни сну себя победить. Более всех сопротивлялись смерти дети!» А самая трудная доля выпала врачам: операционные пункты были устроены посреди улиц, и они сутками выстаивали на ногах, испытывая под собой содрогание почвы, и — оперировали (ночью при свете факелов). Всех раненых матросы сначала относили сюда, клали на землю, утешая, как умели:

— Ничего, синьор... ничего, синьорита...

Итальянцы это слово запомнили:

— Ничако... ничако... ничако, марини!

17 декабря на рейд Мессины ворвался на полной скорости итальянский крейсер «Витторио-Эммануэл» под флагом королевской четы, причем Литвинов указал сигнальной вахте:

— Салютации не учинять... сейчас не до этого!

Итальянская королева Елена сразу же прибыла на «Славу»; она получила образование в России, считала себя наполовину русской и просила называть ее просто — Еленой Николаевной.

— Владимир Иванович, что я могу сделать для вас?

Литвинов, сняв фуражку, поцеловал руку королевы:

— Умоляю — марли и медикаментов и, ради Бога, позвольте мне отпустить в Неаполь хоть один броненосец: уголь в бункерах на исходе, а машины все время работают винтами, в отсеках навалом лежат раненые. Их надо поскорей переправить в госпитали!

«Слава» ушла в Неаполь, имея на борту 550 раненых детей и женщин (мужчин не брали). Из этого числа некоторые умерли в пути — их погребли в море, учинив салютацию, как положено всем павшим.

— Я слышала от англичан, — сказала Литвинову

королева, — средь ваших матросов уже имеются жертвы.

— Да, ваше величество. К великому сожалению. Люди пропали без вести. Очевидно, засыпаны под развалинами. В этой суматохе трудно пересчитать все команды... А жертвы неизбежны.

Газеты Италии писали о русских не иначе, как «наши русские братья... наши спасители». Один очевидец-итальянец оставил нам сердечную записку: «Славные ребята! Вот уж три дня я наблюдаю за ними, как они разбирают развалины домов, извлекая из них людей, хлопчут возле каждого раненого. Их руки не ведают усталости после 10—14 часов чудовищной работы. «Вы здорово устали!» — сказал я им с помощью переводчика. «Ничего, синьор, ничего». А ведь многие из них навсегда остались в развалинах итальянского города, погибшие при спасении итальянцев. Иногда, прежде чем добраться до живых, приходилось убирать сверху «начинку» руин, прослоенную, как в страшном пироге, рядами уже разложившихся трупов.

Контр-адмирала Литвинова просили матросы:

— Разрешите нам еще поработать!

— Но ваша вахта трудится без отдыха уже два дня.

— Это ничего. Мы ведь с ног-то еще не валимся...

Тысячи (тысячи!) итальянцев, раненых и бездомных, обожженных и полураздетых, русские команды спасли и эвакуировали в госпитали Палермо, Неаполя, Сиракуз и Катании... Итальянский поэт Фаучо Умберто Марио закончил поэму, посвященную мессинской трагедии, так:

*О, матери в траурной скорбной одежде
и жены, убитые болью и горем,
не плачьте. И головы выше!*

Надежду

и радость приносит лазурное море...

Как праздник,

как день долгожданной весны,

пришли к нам на помощь России сыны.

Вам, русские, слава!

В минуты агоний смертельных и мук

мы все ощутили тепло ваших рук.

Движимые к людям любовью высокой,

пришли из страны вы очень далекой.

О, люди и улицы нежной Мессины,

приветствуйте каждого русского сына.

Спасибо, Россия!

Твои корабли

нам веру и счастье с собой принесли...

До конца исполнив свой общечеловеческий долг, русские корабли покинули Мессину... 19 января 1909 года парижская «Фигаро» писала, что Россия живее всех откликнулась на беду итальянцев. «И деревня бедных мужиков, затерявшихся в степях, прислала в Италию 21 рубль. Их нищая деревня не знает ужаса землетрясений, они живут в ином климате, говорят на другом языке, и однако для них достаточно было услышать о далеком народе, жестоко пораженном стихией, ради священных уз, которые создает горе, они предложили Мессине свою помощь». Так было!

Недавно нашу страну посетил сицилиец по имени Марио, который привез всем нам, читатель, поклон от своей старой матери. Журналистам в Москве он сказал:

— России я обязан тем, что живу на свете. Русские матросы спасли мою мать во время мессинского землетрясения.

— Сколько же ей было тогда лет? — спросили Марио.

— О, меня не было еще на свете! А моей маме было всего пять лет... Она жива до сих пор, и я с молоком матери впилал в себя благодарность к России.

Так история иногда смыкается с современностью.

Прошло два года, и печать Италии оповестила мессинцев, возрождавших свой прекрасный город: «Граждане, завтра к нам прибывает русский крейсер «Аврора» для принятия благодарственной медали от жителей Мессины... да будут вечны наши благодарности и признательность тем, кто показал великолепные образцы человеческой солидарности и братства, первыми придя к нам на помощь!»

В ночь на 16 февраля 1911 года с моря уловили трепетные радиосигналы: «Аврора» приближалась, и Мессина в этот день уже не работала — Мессина только праздновала. В городе и на всех судах в гавани были подняты русские национальные флаги. Празднично одетые, оживленные, с детьми на руках, неся бутылки с пахучим кьянти, мессинцы еще с утра заполнили обширные набережные. Легкая черточка возникла вдалеке, словно по синеве моря мазнули акварельной кисточкой, — это подходила «Аврора», русский крейсер первого ранга, еще не ведавший своей громкой судьбы в истории мира...

Петр Николаевич Лесков, командир «Авроры», обозрел панораму города через хрустальную оптику боевого дальномера:

— А нас встречают, и, кажется, с музыкой. Якорей не бросать. Будем вставать прямо к набережной — на швартовы...

Кажется, что на берегу собралась вся Мессина, ветер еще издали доносил бурные возгласы экспансивных итальянцев:

— Вива Руссия... вива «синьор Ничако»!

Оркестры обрушили в котловину гавани два гимна сразу.

Прозвучал салют наций. Швартовы поданы.

Боже! Что тут началось... Белыми камелиями и розами, алыми гвоздиками и фиалками осыпали серую броню «Авроры». На борту крейсера находились сейчас и те, кто два года назад выкапывал мессинцев из-под толщ развалин; прибыл в Мессину один матрос, потерявший обе ноги при спасении погибавших... Узнав об этом, итальянцы подхватили безногого матроса на руки и, восторженно крича, несли его через весь город, а он ничего не мог говорить от волнения — он качался на плечах мессинцев и... плакал!

Самый счастливый в Мессине дом — это дом, в котором побывал дорогой гость, русский моряк. Самая счастливая женщина в Мессине — та женщина, которой удалось поцеловать русского моряка. В кубриках «Авроры» безмятежно текло в эти дни розовое игривое кьянти... Всем было хорошо.

Но вот провыли горны, возвещающая «большой сбор». Замерла толпа на берегу, когда на борт крейсера ступила делегация Италии во главе с епископом д'Арриго. Перед строем моряков епископ вручил от имени Италии золотую мемориальную медаль с надписью:

«МЕССИНА — МУЖЕСТВЕННЫМ РУССКИМ МОРЯКАМ БАЛТИЙСКОЙ ЭСКАДРЫ».

До сих пор в музее «Авроры» хранится шелковое полотнище, на котором вышиты восторженные слова: «Вам, великодушным сынам благородной земли, героизм которых войдет в историю...».

Это не просто слова — это пророческие слова!

Над крышами новостроек Мессины «Аврора» произвела холостой залп, возвещающий прощание.

Оркестры играли не уставая...

Тысячи людей пели, рыдали, смеялись.

Мессина покрылась морем огней — началось торжественное факельное шествие, и это было незабываемое зрелище.

— Уходить не хочется... Хороший народ и райская страна, — говорили матросы. — Побратались мы с ними славно!

Последний взгляд на Мессину с кормы уходящего крейсера.

Долго еще виднелись струи огня — люди с факелами в руках все шли и шли; наконец и последние огни погасли в отдалении.

Надвинулась ночь — открывался простор.

— Вот и море... прощай, Мессина!

Этна, закутанная мраком, была совсем не видна в ночи.

«Аврора», зарываясь форштевнем в скользкие воды, уходила в свою судьбу — прямо в историю...

Как все это просто и до чего душевно!
Флаг нашего флота и поныне реет над идеальной синевою древнего Средиземноморья...

Рис. Ш. Ворошилова

СООБЩЕНИЯ ЮНКОРОВ

«Ах, лето...»

Люблю отдыхать в лесу, собирать цветы, играть около реки в волейбол, прыгать в реку с моста! Хотя я и была на Черном море, хочу еще там побывать. Я очень люблю путешествовать на поезде или на самолете.

Таня ЧЕБОТКОВА,
пос. Горняцко-Восточный,
Белая Калитва

А мне нравится ездить в дальние путешествия на велосипеде, видеть незнакомую местность. Так и хочется выучить ее назву. Сейчас планирую поездку на Братский — это небольшая деревушка, до которой всего 15 километров.

Кроме как кататься на велосипеде (а мы уезжаем с друзьями с утра — и до самого вечера), я люблю, если есть свободный час, играть в прятки.

Павлик ЮДИН,
с. Красноармейское,
Самарская обл.

пассажира, за себя и за груз. А это так здорово.

Оля РЯБОВА,
пос. Рассвет, Тульская обл.

Всегда жду лета, чтобы продолжить свои открытия. Например, такие — маленький островок, который как будто местечко из сказки. На нем зеленеет трава, и пестреют разные цветы. Над полянкой порхают бабочки. Среди полянки бьет родничок, и в нем такая чистая вода. Ну разве не сказочное место?

Летом я научилась отличать ядовитые растения от неядовитых, и грибы тоже. Научилась ловить рыбу и ходить в дальние походы.

Очень люблю природу и в будущем хотела бы побывать в каком-нибудь экзотическом месте, где нет зимы. Например, на Багамских островах. Где полно зелени и живут попугаи и обезьяны. Насколько это осуществимо, в будущем посмотрим. Зависит это от того, куда я пойду работать.

Лена МАЛЬШЕВА,
пос. Плетени, Татарстан

Мне надоело, что мой почтовый ящик пуст. Так что пишите, мальчишки и девочки.

620075, Екатеринбург, ул. Бажова, 49—3. Таше БОГДАНОВОЙ.

Мы хотим, чтобы мальчики и девочки от 10 до 15 лет переписывались со своими сверстниками. В нашем клубе по переписке уже много адресов российских школьников. Ждем от вас конверт с обратным

Я осталась в городе. Гуляю на улице с друзьями. Иногда на недельку куда-нибудь уезжаю. Дальние поездки я не очень люблю, так как нет домашнего уюта, комфорта. Но несмотря на это, хочу поехать на месяц с нашим «Детским театром» под Сочи. Я уже ездила с «Детским театром» в Бийск на фестиваль «Театральная провинция». Выступили мы успешно, получили грамоту. На фестивале я узнала, как нужно по-настоящему хорошо играть спектакль.

Аня СОКОЛОВА,
Екатеринбург

Как хочется куда-нибудь съездить, например, в Москву или Санкт-Петербург. За рубеж — в Италию, Испанию или Францию. Но если бы с финансами все было в порядке, я начала бы все-таки с Греции, купила бы билет на самолет до самых Афин.

А так я на даче. Но, на мой взгляд, такой отдых тоже можно сделать интересным. На дачу можно пригласить всех друзей и хорошо провести время. А в поездку их всех не возьмешь.

Воздух за городом чистый. Мне нравится, когда вот-вот должна начаться гроза. Сильнее ощущается запах трав и цветов. Запахи сливаются, и получается какой-то необыкновенный аромат, от которого кружится голова.

У нас недалеко озеро. Я люблю купаться не только днем, но и по ночам. Это происходит очень редко, потому что мама не всегда отпускает.

Олеся ТИМОФЕЕВА,
Красноярск

Самые хорошие воспоминания остались от летнего отдыха в лагере «Гагарино» в Болдове и в Евпатории — в санатории имени Крупской.

В Евпатории мы жили на берегу моря. Оно было видно с балкона, и от нашего корпуса до него было два или три метра! А в лагере «Гагарино» проводят очень много интересных мероприятий: эстафеты, день Ивана Купалы, день самоуправления. Каждый вечер дискотека. Все время играет музыка. Я очень не хотела уезжать оттуда, да и другие ребята тоже. Некоторые уходили куда-нибудь и плакали. В самый последний день в лагере оставалось около 30 человек. Была дискотека до двух часов ночи, а перед ней мы все сидели в беседке и пели песни под гитару. Эти минуты мне запомнились навсегда.

Оля ШЕВКУНОВА,
пос. Глазуновка, Орловская обл.

адресом и подробный рассказ о себе.

346077, Ростовская обл., Каменский район, х. Пляшаков. Ольге РУДАКОВОЙ (Ш. Т.).

Учусь в гимназии. Хожу в музыкальную школу, играю на фортепиано, люблю читать, выступаю с песнями на районных мероприятиях, коллекционирую «киндер-сюрпризы».

422900, Татарстан, пос. Алексеевское, ул. Халева, 44. Яне СУРКОВОЙ (12 лет).

Рис. О. Зайцевой

Мне недавно исполнилось 13 лет. Главное, что хочу сказать о себе: я большой романтик! Обожаю слушать любимую музыку, заниматься спортом и ходить в кино или на дискотеку с лучшими друзьями!

КАЗАНСКИЙ СОБОР

Казалось бы, сколько книг вышло в свет о Казанском соборе, сколько мы уже писали о нем (см. «Костер» № 2, 1996), какая экскурсия не останавливается у площади на Невском проспекте перед соборной колоннадой. И все-таки до обидного легко мы привыкаем к окружающим нас чудесам архитектуры и скульптуры. С привычным недобопытством отмечаем в памяти знакомые очертания, не вглядываемся, не вдумываемся в замечательные свершения наших великих предшественников. И спешим, спешим к таким часто незначительным целям. Спешим даже тогда, когда и спешить-то незачем и некуда, просто по привычке.

Многим ли из нас пришлось в голову задержаться перед Казанским собором, высоко поднять голову, обойти его медленным шагом и разглядеть хотя бы несколько изумительных барельефов, возникших под резцом лучших скульпторов нашей Отчизны. И даже если со священной историей вы не знакомы, эти на редкость выразительные фигуры в своем стремительном взволнованном движении пророчески передадут тот национальный подъем, какой охватит Россию несколько лет спустя. И если потом вы подойдете к памятникам Барклаю де Толли и М. И. Кутузову, появившимся здесь несколько десятилетий позднее, вы наверное заметите, что завершения колоннад, обращенных к Невскому, становятся своеобразными грандиозными рамами для статуй полководцев. И барельефы над этими рамами зазвучат уже гимном свершившейся победе над Наполеоном.

Нет, совсем недаром наш город способен к столь волшебным превращениям, наделен магической силой предчувствия и предвидения. Так и случилось с Казанским собором. Заложенный почти за двенадцать лет до наполеоновского нашествия, он стал главным памятником в столице, посвященным грядущей Победе. Памятник, построенный заранее, памятник пророчество...

А сколько раз, проходя по Невскому проспекту мимо Казанского собора, мы

скольким рассеянным взором по его распахнутым крыльям и не останавливаемся в удивлении перед внушительными, но почему-то пустующими пьедесталами из сердобольского гранита, придвинутыми к колоннаде. А ведь это следы незавершенных замыслов великого архитектора и великолепных скульпторов. На пьедесталы должны были встать грандиозные фигуры архангела Гавриила работы Мартоса и архангела Михаила, созданного Демут-Малиновским. Однако финансовые затруднения, вызванные надвигающейся угрозой наполеоновского нашествия, остановили их отливку в бронзу. Но такими неприменными, такими значительными акцентами во всем ансамбле они являлись, что пусть гипсовыми, пусть временными, но на свои пьедесталы все-таки взошли. Гравюры начала XIX века подтверждают это.

За десять лет сырой петербургский климат расправился с ними. И глядя на пустующие пьедесталы, печалишься о том, что Казанский собор не дошел до нас полностью таким, каким он был замыслен Андреем Никифоровичем Воронихиным и его талантливыми сподвижниками.

Сегодня одна из самых прекрасных решеток города на узкой улочке Плеханова стремится прильнуть к крылу соборной колоннады, но почти не воспринимается как часть грандиозного замысла Воронихина. Город значительно подрос, успел поднять под себя старинные сады, подступил к стенам храма, отлучил от него величавую музыку чугуновой ограды.

Словно предчувствуя такую судьбу, и желая преодолеть ее, встали по краям решетки два высоченных пьедестала. Предполагалось, что на них взойдут еще более грандиозные (почти семиметровые!) гранитные фигуры апостолов Петра и Павла. Они-то уж ни за что не позволили бы отделить воронихинскую решетку от воронихинского собора. Но и эти величественные пьедесталы остались лишь символом неосуществленной идеи.

А по генеральному плану с южной стороны собора предполагалось соорудить

вторую колоннаду, совершенно сходную с уже существующей Северной. И получилось бы, что вокруг собора сформировались бы сразу четыре площади. Тогда совершенно по-новому зазвучала бы отодвинутая теперь в сторону знаменитая решетка, а главный западный вход в собор получил бы свое полукружное предместье, перестал бы ощущаться второстепенным. И тогда трудно было бы представить, какой фантастический размах приобрел бы пантеон русской славы, каким могучим аккордом в каменном гимне прозвучал бы полностью осуществленный проект. Даже нам, привыкшим к размаху классических петербургских ансамблей, вообразить такое можно только с замиранием сердца.

Тому, кто думает, что Казанский собор он знает хорошо, надо бы не гордиться с выводами. Сколько необычайно ярких открытий подарит он каждому, кто готов принимать их, сколько, казалось бы, устоявшихся представлений может обернуться самой неожиданной стороной. Вот хотя бы такой часто мелькающий в книгах о Воронихине факт: ну как, каким образом мог выиграть творческий спор с такими выдающимися мастерами, как Камерон, Томон, Гонзага, безвестный, вчерашний крепостной человек графа Строганова, не кончавший академией, имевший за душой только то, что сам, своим титаническим трудом осилил, узнал, понял.

Да потому, что известные архитекторы предлагали еще один более или менее похожий на петербургских собратьев храм, стоящий посередине площади, а Воронихин предложил ансамбль, охватывающий громадное пространство и подчинивший его себе. Но это — подчиненность красоте, изящному и необычайно выверенному изгибу площади. Необыкновенно точно выразил замысел архитектора наш современник, поэт Иван Демьянов:

*И развел собор Казанский руки,
Обнимая вечер голубой.*

Герман ГОПНЕ

Рис. Е. Алексеевой

ВИКТОРИНА-20

«За семью печатями»
Викторина-20
Июль 1998 г.

Деньги так привычны и необходимы в современном обществе, что трудно представить, как люди без них обходились, без этих блестящих монеток и хрустящих бумажек. Впрочем, это было очень давно. По крайней мере, в нашей стране — в раннем Средневековье. Тогда денег как таковых не было, и в качестве счетно-денежной единицы использовали небольшой брусочек серебра. А как он назывался, вы узнаете или вспомните, если отгадаете викторину, ко-

торая, это уже ясно, посвящена деньгам. Так вот, сначала надо правильно ответить на вопросы и выписать нужные буквы. Затем определить, флаги каких стран изображены рядом с вопросами, и расставить основные денежные единицы этих стран в алфавитном порядке. Тогда соответствующие буквы составят искомое слово. Еще одно задание — напишите, какая современная русская монета получила название по этому слову.

1. Что дороже денег? Вопрос, конечно, философский, и на эту тему можно говорить очень долго. Но в данном случае речь идет о русской поговорке. В отгаданном слове подчеркните вторую букву.

2. Когда-то, лет сорок назад в городской телефон-автомат опускали пятиалтынный — монетку ценой, как это понятно из самого слова, в пять алтын. Теперь такие монетки не выпускаются (и алтына-то давно нет!), а слово все равно в языке осталось. Кто знает, что это была за монета? Так вот: количество копеек, содержащихся в ней, означает порядковый номер в русском алфавите буквы, которая нам нужна.

3. Все страны выпускают свои бумажные деньги и украшают их по-своему. Интересно их разглядывать. Итальянцы изобразили на своих лирах путешественника Марко Поло, ученого А. Вольты, скульптора Бернини. Французы — композитра Клода Дебюсси, художника Эжена Делакруа, философа Монтегкье. На своей сотенной купюре финны поместили портрет композитора Яна Сибелиуса. Американцы, судя по всему, очень уважают своих президентов. Там, где до сих пор правят короли и императоры, принято изображать на деньгах монархов. Впрочем, англичане, кроме королевы Елизаветы, почтили герцога Веллингтонского, сестру милосердия мисс Ф. Найтингейл и архитектора Кристофера Рена. В нашей истории немало великих людей, но на современных российских деньгах нарисованы виды городов — Москвы, Новгорода, Санкт-Петербурга. А вопрос такой: что за город изображен на 500-рублевой российской купюре? Требуется четвертая буква.

4. Правильно вести финансовые дела государства дело сложное. Царь Алексей Михайлович решил провести денежную реформу, да неудачно. Он собирал налоги серебряными деньгами, а платил — медными. Это так нарушило рыночные законы, что все кончилось восстанием городеких низов. Оно было жестоко подавлено. Но царь был вынужден пойти на попятный. В истории России это восстание 1662 года в Москве вошло под названием «Медный бунт». А вот сын царя Алексея провел очень грамотную денежную реформу, после которой основная денежная единица страны — рубль — стала относиться к разменной — к копейке — как 1 к 100. В Европе до этого удобства додумались только через полвека. В Америке и того позже. Как звали нашего умного царя? В его имени отметьте последнюю букву.

5. Что бы вы сказали, если бы вам предложили в булочной заплатить сушеными свиными хвостиками? А вот у племен в Меланезии, на южных островах Тихого океана, есть такие «свиные» деньги. В древности в Китае, Индии и Японии расплачивались раковинами. Есть деньги из собачьих и акулиных зубов. С другой стороны — какая разница, чем платить, если договориться, что деньги — не металлические кружки и не бумажки, а что-нибудь еще? Вот персонаж гоголевской комедии, судья Ляпкин-Тяпкин брал взятки не деньгами, а «борзыми щенками». Как, кстати, пьеса называется? И что за буква там стоит на третьем месте?

6. Копяк деньги очень многие. Но есть люди, которые их собирают, коллекционируют. Коллекционеров бумажных денег называют бошстами. А как называют коллекционеров металлических денег? Четвертая буква подведет итог нашей игре.

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ В № 5

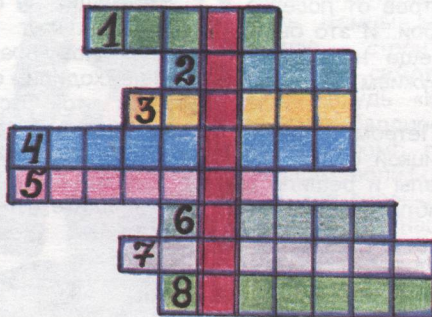
1. «Пиастры!», буква — «П». 2. Болтушка, буква — «Л». 3. «Чайка», буква — «А». 4. Воробей, буква — «В». 5. Гар-

шини, буква — «Н». 6. Пингвин, буква — «П». Ключевое слово — ПАВЛИН.

Победителем викторины в № 3 стал пятиклассник из Томска Роман РУБЦОВ, а викторины в № 4 — Юрий АМЕЛЬЯНЧИК из Улан-Удэ. Поздравляем!

ГЛАВНАЯ СТРОКА

От кроссворда это задание отличается тем, что слова в горизонтальных рядах подходят по смыслу к слову, вписанному в главную вертикальную строку. Найдите слова, относящиеся к отдыху и видам спорта.

1. Работай веселами — и в путь!
2. В нем лежа можно отдохнуть!
3. Нужны здесь мячик и ракетка.
4. На нем катаются нередко.
5. Здесь палкою фигуры бьют.
6. А здесь — в ворота гол забьют!
7. Здесь через сетку мяч бросают.
8. Здесь караулят рыбы стан.

Составил П. САДОВЫЙ.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЕ В № 6 ГОЛОВОЛОМКА

При условии, что А=1, Б=7, В=4, Г=6, Д=8, Е=9, Ж=3, З=2, И=5, получим $17 \times 4 = 68$. $68 + 25 = 93$.

ЗАДАЧКА

Следующие четыре числа, составленные из пяти нечетных цифр, в сумме дают 14: 11, 1, 1, 1.

Петр САПРЫКИН

У ДОНСКОЙ ИЗЛУЧИНЫ

Документальная повесть

Шестиклассник Петя, от лица которого ведется повествование, и его сосед-друг Петро живут на небольшой железнодорожной станции Чир, где их застают война — с бомбежками, пожарами, гибелью многих людей. Поселок занимают немецкие войска, и ребята в меру своих сил пытаются бороться с фашистами. Они помогают бежать пленным, и даже, собрав на бывшем поле боя оружие, устраивают на одной из дорог самострел для вражеских машин.

Часть 2*

ПРИКАЗ КОМЕНДАНТА

В назначенный немцами день и час на нашей праздничной площади собралось все взрослое население поселка. За заборами близлежащих дворов притаились вездесущие пацаны. Ждали военного коменданта. Он прибыл на автомобиле в сопровождении вооруженных мотоциклистов и переводчика и, поднявшись на трибуну, поздравил собравшихся «с освобождением от большевистского ига». Затем переводчик, сильно картавя и делая в словах неправильные ударения, стал переводить комендантское «Обращение к населению занятых территорий». Из него следовало, что все мужчины и женщины, начиная с шестнадцати лет, обязаны в течение трех дней зарегистрироваться в комендатуре и получить направление на работы на железную дорогу, в сельское хозяйство и на дорожное строительство. Здоровым девушкам предлагалось также трудиться в сфере обслуживания германской армии. «Кто не работает, тот не ест», — так, кажется, говорили большевики? — спросил комендант. — И в этом отношении у нас с ними разногласий нет». Жители, у которых скрываются русские солдаты или пленные, либо знаящие, где они скрываются, обязаны немедленно сообщить об этом в комендатуру, — переводил далее переводчик. Имеющим оружие и боеприпасы предлагается сдать их германским властям в течение двадцати четырех часов. За дальнейшее укрывательство русских солдат или бежавших пленных, а также хранение оружия по истечении указанного срока — расстрел.

— Нет ли вопросов к германским властям? — спросил комендант.

Вопросов не было. После этого начались выборы старосты.

САМОЛЕТЫ И ЛЯГУШКИ

Несмотря на грозный приказ коменданта, мы по-прежнему ходили за несколько километров от поселка в Ерицкую балку и занимались стрельбой. И это было не просто забавой, а, может быть, еще не совсем осознанной потребностью овладеть оружием. И желанием научиться метко стрелять.

Началось это так. Однажды мы с Петром отправились за колосьями. Проходя мимо Ерицкой балки, мы услышали доносившиеся из нее выстрелы и решили в нее заглянуть. Но как только мы приблизились к ее

бровке, выстрелы прекратились, и из траншеи, соединяющей крытый блиндаж с балкой, выглянули сразу несколько голов в красноармейских пилотках.

— Свои! Выходи! — крикнул кто-то из них, и из траншеи наверх вылезла сразу целая дюжина пацанов.

Ими оказались наши же чирские ребята, большая часть которых к тому же была из нашего класса: Ирхин Федька, Чудин Лаврушка, Барыкин Шурка и другие. Федька был самым старшим и самым сильным в нашем классе, так как дважды оставался на второй год из-за русского, и держал верх даже над «самыми отъявленными хулиганами». Ко мне же Федька никогда свысока не относился, потому что систематически списывал у меня домашние задания.

Оказалось, что они давно уже облюбовали балку как место сбора и далеко не безобидных игр. Чего только они не натащили в нее с поля боя! У них даже ротный миномет был и противотанковое ружье! В конце балки они устроили мишени из немецких бочек и канистр. А в блиндаже у них был «штаб» и НП — наблюдательный пункт. Начались занятия. Барыкин Шурка поставил на песок на ребро семь советских касок и «прошил» их все сразу одной только пулей, вызвав у всех разочарование в их прочности. Немецкие оказались в два раза прочнее. Потом и другие ребята стреляли по каскам, пока не превратили их в решето. Перепало и нам с Петром по нескольку выстрелов. Потом мы бросали гранаты на дальность. А венцом дневной программы был Федькин выстрел из противотанкового ружья.

Когда Федька нажал на курок, у меня будто лопнуло что-то внутри. Я с опозданием закрыл ладонями уши и присел. А сам Федька отлетел на метр назад и, потирая ключицу, спросил:

— Есть еще желающие попробовать?

Желающих не нашлось.

Войдя в круг «стрелков», мы посещали балку по составленному Федькой расписанию. И наверно, долго бы еще ходили, если бы не один случай. А произошло вот что. Отстрелявшись, мы сидели на НП и о чем-то болтали, а в стороне от нас по намеченной трассе то туда, то обратно летали немецкие бомбардировщики. И вдруг Чудин Лаврушка кричит:

— Смотрите, смотрите!

* Часть 1 см. в «Костре» № 6, 1998 г.

Прямо на нас на высоте не более ста, а возможно и меньше, метров летят со сталинградского направления десятка три хейнкелей. И Федька мгновенно принимает еще не бывалое по дерзости решение обстрелять самолеты!

— Бронебойно-зажигательными заряжай! — скомандовал Федька. — Прицельный по самолетам огонь!

Я схватил обойму патронов с фиолетово-красной маркировкой, заложил в магазин и давай стрелять. С каким-то радостным остервенением, не думая о последствиях, мы передергивали затворы и стреляли, стреляли по хейнкелям. Промахнуться в них было просто невозможно. Мне даже казалось, что я слышу, как выпущенные мной пули с глухим щелчком вливаются в их крылья с черными крестами. Мы ненавидели их. И это жгучее чувство, накопившееся в наших сердцах за год с лишним войны — все увиденное, услышанное и уже в достаточной степени прочувствованное, — бурно вырывалось наружу.

И вот у одного из бомбардировщиков перестал вращаться правый пропеллер, из крыла другого пока еще тонкой струйкой пошел дым, а третий почему-то круто изменил направление и полетел куда-то к горе, скорее всего, на запасной аэродром в Тормосино. Вся армада с резким гулом стала набирать высоту, и лишь один хейнкель лег на левое крыло, сделал полный круг и, снижаясь, ударил по нам из пулемета. Фашист промахнулся на полметра, и все пули пришили на бруствер траншеи. Увидав на песке прыгающие султанчики, мы бросили винтовки и кучей ринулись в крытую часть траншеи. А самолет, сделав еще один круг, снова обстрелял укрытие, и пули глухо застучали по его обложенной дерном крыше. И вдруг раздался истошный вопль Белякова Петра. Все, конечно, подумали, что в него угодила пуля. Но как только самолет улетел, Петро сам пулей вылетел из укрытия и начал отряхиваться от влажного песка. Он оказался в самом низу свалившейся в укрытие кучи «стрелков».

— Ты что орал, как резаный поросенок? — спросил его Федька.

— Лягушки, — прохныкал Петро.

— Что «лягушки»? Какие лягушки? — повышая голос, допытывался вожак, вероятно подумав, что малыш со страху тронулся умом.

— Какие, какие! Обыкновенные! Их там полно. Мне мамка говорила, что, если подержать лягушку в руках, то на руках бородавки вырастут, а я на лягушках мордой лежа-а-ал, — завыл самый юный «стрелок».

Остальные так и покатались со смеху.

Но уже на следующий день к буграм пришла целая рота солдат в полном вооружении и с радиостанциями. Они прочесали весь лес в поисках партизан, но так никого и не нашли. Им и невдомек было, что обстрел самолетов — дело рук тринадцати-, пятнадцатилетних пацанов. После облавы ерицкие бугры были объявлены запретной зоной.

И ЕСТЬ НЕЧЕГО, И БОМБЫ ЛЕТАТ

Вернувшись домой из очередного похода за колосями, я застал мать за стиркой чужого белья. Она села на табуретку и заплакала:

— Знал бы отец, что мне приходится стирать за кусок хлеба и таблетку сахарина сраные немецкие подштанники, с ума бы, наверно, сошел.

Оказалось, что в нашем доме не осталось больше ни муки, ни сала, ни сахара, ни даже соли и спичек. Когда матери надо было разжечь плиту, она выходила с совком на улицу и глядела, из чьей трубы идет дым, чтобы пойти туда и попросить угля.

— Хорошо, что тебе еще удается находить колося, но ведь и они скоро кончатся.

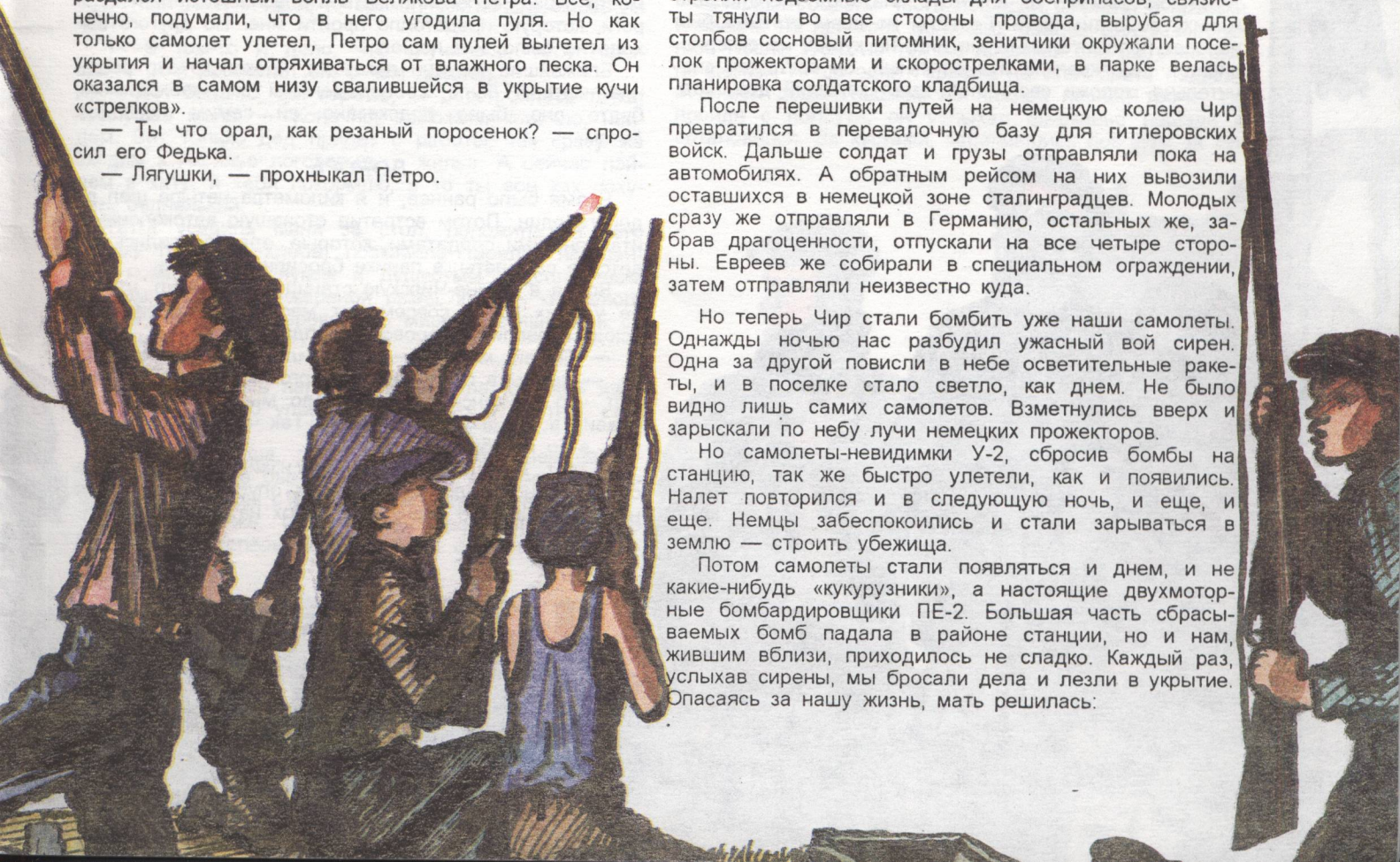
А немцев в поселке все прибавлялось. Саперы отсыпали дорогу на Сталинград, железнодорожники прокладывали ветку за военный городок, где пленные строили подземные склады для боеприпасов, связисты тянули во все стороны провода, вырубая для столбов сосновый питомник, зенитчики окружали поселок прожекторами и скорострелками, в парке велась планировка солдатского кладбища.

После перешивки путей на немецкую колею Чир превратился в перевалочную базу для гитлеровских войск. Дальше солдат и грузы отправляли пока на автомобилиях. А обратным рейсом на них вывозили оставшихся в немецкой зоне сталинградцев. Молодых сразу же отправляли в Германию, остальных же, забрав драгоценности, отпускали на все четыре стороны. Евреев же собирали в специальном ограждении, затем отправляли неизвестно куда.

Но теперь Чир стали бомбить уже наши самолеты. Однажды ночью нас разбудил ужасный вой сирен. Одна за другой повисли в небе осветительные ракеты, и в поселке стало светло, как днем. Не было видно лишь самих самолетов. Взметнулись вверх и зарыскали по небу лучи немецких прожекторов.

Но самолеты-невидимки У-2, сбросив бомбы на станцию, так же быстро улетели, как и появились. Налет повторился и в следующую ночь, и еще, и еще. Немцы забеспокоились и стали зарываться в землю — строить убежища.

Потом самолеты стали появляться и днем, и не какие-нибудь «кукурузники», а настоящие двухмоторные бомбардировщики ПЕ-2. Большая часть сбрасываемых бомб падала в районе станции, но и нам, жившим вблизи, приходилось не сладко. Каждый раз, услышав сирены, мы бросали дела и лезли в укрытие. Опасаясь за нашу жизнь, мать решила:

— Уходить нам надо отсюда, сынок.
 — Куда? — безнадежным тоном спросил я.
 — На Липовский хутор к сестрице Наталье с Герасимом, — неожиданным для меня был ответ.
 — Так им же самим там жить негде?
 — Ничего. На квартиру к кому-нибудь попросимся. Зиму как-нибудь, Бог даст, протянем около своих, а там, глядишь, и наши придут. Так что, сынок, собирайся и ступай. Завтра же. Пока один. Выяснишь там все и за нами придешь. А я тут тем временем соберу с собой кое-какие вещички, остальное попрячу и все вместе на хутор пойдем.

К тетке Наталье с Герасимом мы с братом Жоркой ходили всего один раз во время летних каникул. Их хутор находился за станцией Нижне-Чирской, километрах в двадцати от Чира. Нам понравилось там. Хотели сходить еще раз, но нас больше не отпустил туда отец. Герасим считался бывшим кулаком, а семье члена ВКП(б) не положено было общаться с такими людьми.

ГЕРАСИМ

Попков Герасим большую часть своей жизни провел на военной службе и слез с боевого коня почти в самом конце германской войны по ранению, когда ему было уже сорок семь лет. За столь долгую службу царю и Отечеству где только ни побывал он: и в Петербурге, и в Польше, и в Литве, и в Бессарабии, участвовал в Русско-Японской войне и в первой мировой, за что и был удостоен трех Георгиевских крестов и чина вахмистра.

Вернувшись в родной хутор, Герасим застал в своем обветшалом курене лишь одну старую мать. Оба его сына тоже оказались на службе, отец и надорвавшаяся на мельнице жена уже два года как были похоронены. Герасиму не оставалось ничего другого, как засучить рукава и приниматься за восстановление хозяйства самому. Он навел порядок в саду, обновил плетневую изгородь, заменил на курене соломенную крышу и стал подумывать, не привести ли в дом новую хозяйку. А когда окончательно надумал, поехал в Чир к своему давнему знакомому свататься за его старшую дочь — Наталью. Несмотря на двадцатипятилетнюю разницу в возрасте, Наталья не отказала жениху во взаимности. Герасим по всем статьям был человек положительный: не пил, не курил, не сквернословил. Еще крепкий и энергичный, он выглядел значительно моложе своих лет, имел хороший дом, сад,

скот, надел земли. Живи да радуйся, да трудись от зари до зари. Так и стали они жить в согласии и довольстве, пока не покатились по хуторам гражданская война. И белые, и красные забирали зерно и мясо. Хорошо еще половину, а то и все отдай. А когда началась коллективизация и Герасиму предложили добровольно сдать в колхоз землю и крупный скот, он наотрез отказался. И тогда комиссия по проведению коллективизации признала его хозяйство не соответствующим потребностям двух человек и подлежащим конфискации. А тут кто-то еще подсказал ей, что Герасим служил в лейб-гвардии, бывший вахмистр, и хранит у себя царские награды. Курень его разобрали и вывезли на полевой стан, коня и корову увели на колхозный двор, мелкий скот сдали на бойню, а самих хозяев этапом погнали в ссылку. Но где-то в пути, видимо, от расстройства, Герасима разбил паралич, и у начальства хватило милосердия, чтобы отпустить его, немощного, вместе с женой помирать домой. Наталье каким-то чудом удалось довести больного мужа до хутора, и она стала его выхаживать.

А через месяц Герасим встал и с трясущейся правой рукой стал строить у самого обрыва крохотную хижину с двумя маленькими оконцами и глиняной печью. Самодельный дощатый стол, топчан с соломой да скамья вдоль стены составляли все ее убранство.

Потом Герасима определили сторожем в колхозный сад, Наталью — полеводом. Хуторяне собрали им с десяток кур, по паре коз и овец, поросенка, колхоз выделил первотелку, и стали они постепенно приходить в себя. Одного у них только не хватало — одежды, и ходить приходилось буквально в лохмотьях. Правда, у Герасима был еще военный мундир, который сохранил ему во время скитаний однокашник — Агафонов Иван, но он берег его пуце глаза и надевал лишь по праздникам. А Наталье он наказал, когда помрет, чтобы в гроб она его положила в мундире и при всех орденах.

Я понимал, как не просто было матери решиться на отправку меня к сестре. Герасим, жестоко пострадавший от неоправданных репрессий, мягко говоря, не испытывал большой любви к советской власти и в заметной форме переносил это на воевавшего за нее моего отца. Беспokoили мать и опасности дальней дороги, которую предстояло пройти мне. Но другого выхода не было, и я пошел.

Ближайшие же дни показали, насколько это решение матери было своевременным и необходимым, будто оно было подсказано ей самим Господом Богом.

ДОРОГА

Время было раннее, и я километра четыре шел по дороге один. Потом встретил стоящую автоколонну с итальянскими солдатами, которые, едва появились советские самолеты, в панике бросились в степь.

Войдя в Нижне-Чирскую станицу, я заметил, что на ее улицах почти совсем нет местных жителей, зато всюду сновали гитлеровские солдаты.

— Людей, милоч, — объяснила мне одна старушка, — немцы в поле угнали. Бургомистр на сходе сказал, что германской армии надо много хлеба, и отправил всех на уборку урожая. Так что будь осторожнее, а то и тебя могут забрать.

И вот я на лесной тропе, извиляющейся вдоль склона донской долины. Она то опускала меня вниз на дно оврага, то поднимала вверх на высокие кручи.

На выходе из Средне-Садовского хутора меня догнал какой-то рыжий парень, одетый для того времени шикарно. На нем были новые хромовые сапоги, бежевые с напуском брюки, белая сорочка и коричневая кепка-шестиклинка, надетая набекрень.

— Далеко ли путь держишь, хлопец? — распластающе улыбнувшись, спросил парень.

— В Липовский, — ответил я.

— Значит, попутчик. Закуривай, — протянул мне парень коробку немецких сигарет.

— Спасибо. Не курю.

— И правильно делаешь. Не придется потом дурью маяться — бросать. — Парень остановился, прикинул сигарету от бензиновой зажигалки и спросил:

— А кто у тебя там?

— Дядя с теткой. Попковы. Может, знаете?

— Наталью-то с Герасимом? Как же не знать. Они всю жизнь там живут, да и я на хуторе не чужой. Кстати, у них сейчас внук Гришка живет, что из Задонья. Из плена выпустили. А к себе, в Васильевку, не хочет. Говорит, идти далеко. И то правда. Немцы сейчас за просто казаков из плена отпускают. Приказ у них есть такой. А сам откуда будешь?

— Из Чира. Там бомбят наши самолеты.

— Отец, наверно, на фронте?

— В эвакуации.

— Начальник, что ли, какой?

— Обыкновенный служащий. Их всех, кого оставляли по брони, эвакуировали.

Впереди показался Липовский хутор. Парень еще раз закурив и протянул мне руку.

— Ну, бывай. Мне направо, тебе прямо. Если долго прогостишь у тетки, может, еще встретимся.

Пройдя половину хутора, я открыл плетневую калитку и вошел в Натальин двор. Увидав чужого, с лаем заметался на цепи черный пес. Незнакомый коренастый парень в солдатских галифе и нижней рубашке, коловший у сарая дрова, распрямился, воткнул в дровосеку топор и тоже уставился на меня. В дверях хижин показалась хозяйка.

— Батюшки, да никак это Петяшка? — всплеснула руками она и засеменила навстречу. — Да как же это отпустили тебя в такое-то время? Уж не случилось ли что?

— В том-то и дело, что случилось, тетя Наташа. — И я рассказал ей, с чем пришел.

— Вот беда-то, вот горе-то, — расстроилась тетка, выслушав меня. — Конечно, поможем, конечно, найдем. Вот только дед придет с работы, так сразу же сходим к Аксинье поговорить о жилье. А сейчас пойдем в хату, я тебя покормлю, а то ты вон как похудал, бедненький.

Тетка усадила меня за стол, положила на него краюху подового хлеба, поставила тарелку нарезанных помидоров с луком и душистым подсолнечным маслом, сковородку жареной рыбы, кувшин квашеного молока, налила в деревянную миску постных щей со сметаной и сказала:

— Ешь.

А сама уселась напротив и глядела, с какой жадностью я все это уплетаю, особенно душистый, свежий хлеб.

— Тетя Наташа, а на вашем хуторе немцев совсем, что ли, не было? — спросил я, невольно связывая обилие еды с отсутствием оккупантов.

— Почему же, были, когда фронт проходил по Дону. Они и теперь наведываются сюда на мотоциклах.

— А что они тут делают?

— А кто ж их знает. Они нам не докладывают. Видно, ищут кого-то.

— А что это за парень, рыжий такой, шел со мной на хутор из Средних Садов? — вспомнил я своего любопытного попутчика.

— Это, наверно, Женька Карнаухов. Но он не из Садов, а из станицы, а сюда к зазнобе ходит. С ним надо ухо держать востро: его немцы из плена выпустили, а сейчас доносчиком у них работает.

— А где же работает дядя Герасим? — поинтересовался я.

— Колхозный сад сторожит. Если хочешь, сходи к нему. Это недалеко.

— А зачем его сторожить? Колхоза-то ведь больше нет.

— Ну и что же, что нет? А когда наши придут, кто за него отвечать будет? Дед говорит, что его с этой должности никто не снимал. Он у меня человек военный, — улыбнулась тетка. — Мы тут и траву на корм покосили, и зерна на семена намолотили. Так что, когда наши вернутся, будет чем перед начальством отчитаться.

ВНУК ГРИГОРИЙ

Несмотря на удаленность от больших дорог хутора Липовского, фронт его тоже не обошел стороной, хоть и коротким был бой в нем — всего один день. Теснимое гитлеровцами со стороны Тормосина, одно из наших пехотных подразделений с гаубичным дивизионом и обозом скатилось в долину Дона и начало переправляться на подручных средствах на противоположный берег. Но удалось это лишь немногим. Большинство лодок и плотов с красноармейцами было потоплено вражеской авиацией, а бойцы прикрытия погибли на берегу в жестокой схватке с гитлеровскими автоматчиками.

Когда немцы ушли, все липовские старики собрались и пошли к Дону. Печальное там им представилось зрелище: всюду трупы, брошенное оружие, скинутая у воды одежда. У лесной опушки стояли гаубицы и повозки. По лесу бродили беспризорные кони с наспех обрезанной упряжью.

Старики собрали часть лошадей, впрягли в повозки и свезли на пригорок погибших бойцов для захоронения. После этого на тех же повозках они разъехались по домам. Лишь один Герасим не стал брать подвод и пошел домой пешком по нижней лесной тропе. Но пройдя с полпути, он услышал фыркание лошади и остановился. За кустами, зацепившись поводом за сук

вербы, стоял рослый артиллерийский конь вороной масти. Герасим подошел к нему и увидел на его широкой груди кровоточащую рану, над которой висел целый рой зеленых мух.

— Милый ты мой, да никак ты раненый? — вырвалось сочувствие из уст старого казака. Он ласково погладил коня и осторожно дотронулся до его припухшей груди. Конь захрапел и дернулся назад. — Худо, брат, дело-то. Лечить тебя надобно. А ну-ка, ступай за мной.

Герасим освободил повод и повел коня домой. Фыркая и прихрамывая, Вороной послушно пошел за стариком. Дома Герасим прокипятил в кастрюле ножницы и нож, привязал ноги коня вожжами к стоякам сарая и извлек из раны осколок. От боли конь чуть не повывергивал стояки, но главное дело было сделано. Оставалось лишь хорошенько промыть рану марганцовкой и привязать к ней накладку из марли. Но это уже делала Наталья.

А вечером произошло еще одно событие. Наталья было уже собралась гасить лампу, но, услышав лай Жучка, остановилась и послала мужа, на всякий случай, проведать скотину. Герасим открыл дверь чулана и крикнул:

— Цыц, пустобрех! Есть тут кто, ай нет?

— Я тут, отец, — донеслось из темноты, — красноармеец, раненый. Наш плот разбило, и я приплыл обратно. Раненому-то мне на ту сторону уже было не переплыть, — как бы оправдывался боец.

— Известное дело, — согласился Герасим. — Туда не каждый и здоровый доплывет.

Пока Герасим разговаривал с раненым, Наталья приготовила бинт, марганцовку и йод, закатала ему штанину и начала обработку раны. К счастью, осколок повредил ему только мышечную ткань, но вокруг раны уже распространилась опухоль и краснота.

— Как тебя звать-то, сынок? — спросила Наталья.

— Григорием.

— В точь, как внучка нашего. А родом откель? Поговору-то слышу, не из наших мест.

— Сибиряк я, из Забайкалья.

В ГЕРАСИМОВСКОМ САДУ

Колхозный сад находился на самом краю хутора. Там, на солнечном склоне, где звенели в овражках чистые ключи, росли лучшие сорта донского винограда, яблок, груш, слив, вишни.

Разглядывая обвисшие от тяжести плодов ветви с подпорками из рогатин, я не сразу заметил, что за мной уже наблюдает бдительный сторож. А увидав его, рослого и седобородого, в солдатской каске и ватнике, несмотря на жару, с кнутом в руке и винтовкой на плече, оторопело остановился.

— Петька? Неужто это ты? — заулыбался сторож и, подойдя ко мне, потрепал по плечу. — Не узнал я, брат, тебя, не узнал. Больно уж ты вытянулся. В гости пришел? Милости просим. Один или еще с кем?

— Один.

— А как мать с отцом поживают, брательник, здоровы ли?

— Жорка на фронте, а папа эвакуировался.

— Хм, слово-то какое мудреное придумали «икуировался». Это значит, сам удрал, а семью немцам оставил? Не так ли?

— Не удрал, а их организованно отправили в тыл для работы на железных дорогах, — возразил я.

— Все одно удрал, — повысил голос Герасим.

Успокоившись, он спросил меня:

— Тебя тетка кормила? Тогда пойдем я тебе сад покажу.

Вот уж наелся я до зубной оскомины всяких фруктов и винограда!

После ужина Герасим с Натальей долго совеща-

лись, потом позвали Григория и вместе решили завтра же утром отправить нас с ним в Чир на Вороном. Причем, разрешили съездить два раза.

ПОЕЗДКА В ЧИР И НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Пока мы ездили в Чир первый раз, забрав там половину домашних вещей и угодив под бомбежку, тетка договорилась с Аксиньей пустить к себе еще одних квартирантов.

Разгружать подводу нам помог только что вернувшийся со своей добровольной работы «солдатик» Иван. К нему уже успело прилипнуть новое имя — «мельник». Но он скорее был похож на сельского учителя, чем на хуторского мельника.

Перед тем, как поставить Вороного в конюшню, Герасим оглядел его со всех сторон и объявил нам, что в течение нескольких дней конь будет занят. Значит, намеченная поездка на завтра в Чир не состоится? А дело в том, что ездивший на полевой стан Агафонов Иван привез Герасиму неприятную новость: курень его там кто-то разобрал на бревна и подготовил к вывозке. Герасим, конечно, расстроился, обещал всех стариков и договорился завтра же выехать за ним на всех подводах, чтобы опередить неизвестного наглеца. Я попросился в помощники к Григорию.

Рано утром, когда над Доном еще висел туман, а трава серебрилась росой, нас с Григорием разбудили, покормили, и мы вместе с Герасимом поехали на полевой стан. Впереди и сзади нас тоже ползли потихоньку телеги, раздвинутые для перевозки бревен. По прикидкам стариков с работой можно было управиться за два дня.

А где-то на полпути над нами на большой высоте пролетели в сторону станции три наших бомбардировщика. Ехавший за нами Агафонов Иван еще сказал тогда:

— Эко забрались, лешие. И как только не страшно им на такой высоте? Я когда на чердак лезу, у меня и то голова кругом идет, а тут...

А минут через двадцать в той стороне, куда улетели самолеты, появился столб черного дыма. Он поднимался все выше и выше, потом резко надломился в правую сторону и образовал на фоне синего неба огромную букву «Г».

— Никак, ваша станция горит, Петро? — сказал Герасим.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

В тот день в ожидании подводы мать снесла в подвал остающиеся вещи, наказала соседям присматривать за домом, сходила попрощаться с Дарьей и своей подругой Сергеевной и потом, чтобы скоротать время, переделалась во все старое и пошла наводить порядок в сарае.

А на Ворошиловской улице в это время происходило что-то необычное. Комендантская служба остановила движение и приказала всем участникам освободить проезжую часть дороги. Шесть ближайших грузовиков с солдатами тотчас же съехали на обочину и прижались к нашему дому. Офицеры вышли из машин и застыли около них по стойке «смирно». А вскоре сквозь строй расступившихся грузовиков пронеслась кавалькада мотоциклов с автоматчиками, а за ними —

десятка два легковых автомобилей с фашистскими флагами на радиаторах. По всему было видно, что едет какое-то важное начальство. И в этот самый момент над поселком появились три советских бомбардировщика. А мать, уже привыкшая к вою сирен, все еще стояла и глядела на начавшуюся суматоху на улице. Но, услышав нарастающий свист падающих бомб, она, наконец, побежала к своему укрытию, а поняв, что не успеет, нырнула в открытое убежище хауптмана. Едва успела она заскочить в него, как все вокруг заходило ходуном. Треск ломающихся досок, лязг жести, брань немецких солдат, надрывный рев дизелей — все это смешалось вместе и завершилось огромным пожаром.

Почуввав запах дыма, мать выскочила из убежища и ужаснулась. Кухни, в которой она только что собирала вещи, как ни бывало. Бревна, доски, кирпичи, из которых она была построена, валялись по всей улице. На месте нашей траншеи, куда она не успела добежать, зияла глубокая воронка. Крыша дома съехала набекрень, а сам он уже с двух сторон был объят огнем. Вместе с ним горели и четыре грузовика. Десятки убитых солдат валялись по всему двору и улице, висели на остатках забора, на пылающей крыше дома, на бортах горящих машин. Черный дым от пожара, клубясь и вращаясь, поднимался все выше и выше, потом надломился и пошел на восток.

Видя, как все большую и большую часть дома охватывает всепожирающее пламя, мать зарыдала от своей беспомощности и сознания утраты...

После выгрузки бревен третьей ездки мы с Григорием сидели на скамье и отдыхали. Он дремал, а мое внимание было приковано к дороге, по которой шла какая-то старушка, похожая на нищенку. Она дошла до калитки, открыла ее и вошла во двор, а я встал со скамьи, привязал покороче лающего на нее Жучка и снова сел. Старушка, видно, была очень уставшей, так как с трудом передвигала ноги, обутые в старые галоши. На фоне ее совершенно белых волос красным пятном выделялось обожженное лицо. Не дойдя метров десять до скамейки, старушка остановилась и едва слышно промолвила:

— Ты что ж, не узнал меня, сынок?

— Мама! — вскрикнул я и бросился ей навстречу. Подбежав к матери, я обнял ее и почувствовал, как слабеют ее ноги.

МАЛО ИМ БРЕВЕН В ЛЕСУ

Едва мы начали сборку сруба, как во двор, ломая плетневый забор, вкатились два длиннющих грузовика. Оказалось, что это немцы разобрали дом для блиндажей и были очень недовольны, что его увезли с полевого стана. Гитлеровский лейтенант вышел из кабины, осмотрел разложенные вдоль фундамента бревна и приказал солдатам грузить их в машины. К нему подбежал Герасим:

— Господин офицер, что же вы делаете? Это же дом, а не дрова, зачем же вы бревна забираете?

Лейтенант поглядел на стоящего рядом сержанта, и тот перевел ему слова Герасима на немецкий язык.

— Тебя надо было бы наказать, старик, за самовольство, и пока у меня хорошее настроение, уйди отсюда подобру-поздорову, — ответил офицер.

— Господин лейтенант, Христом Богом прошу, не губите сруб! Неужто вам мало бревен в лесу? Поглядите, в какой хатенке я живу. В ней и одному не повернуться, а нас трое. — Герасим подошел к офицеру и дотронулся до рукава его шинели.

Гитлеровец брезгливо отдернул руку и толкнул Герасима в грудь. Не удержавшись на ногах, старик упал в крапиву. Раздался смех солдат. Поднявшись, Герасим снова подошел к лейтенанту и укоризненным тоном сказал:

— Басурман ты вонючий, со стариком так обращаешься! Попался бы ты мне в первую империалистическую, уж я б с тобой поиграл, будь уверен.

Офицер повернул Герасима за плечи и ударил ногой в спину, да так, что он упал в крапиву на этот раз лицом. Я в это время стоял недалеко от того места, подбежал к нему и помог встать. Уходя к своей хижине, Герасим прокричал немцам:

— Гады проклятые! Мало я вам собачьих голов пошибал! Надо бы больше! Будьте вы прокляты все!

Нагрузив одну машину, немцы подогнали вторую. И тут я увидел в ее кабине рыжего Женьку в надвинутой на глаза шестиглинке. Он притворился, что спит. Я подошел к машине и сказал:

— Понятно. Это, значит, ты, рыжий, привел их.

Сон с доносчика как рукой сняло.

— Ш-ш-то? — прошипел он, вылезая из кабины. —

Да как ты смеешь, щенок, так разговаривать со мной? Да я тебя сейчас за это голой задницей в крапиву посажу, — и бросился за мной.

Я удирать. Но увидав Григория с топором у дровосеки, немецкий прихлебатель осекся.

ВОСПОМИНАНИЯ

Стояла прекрасная предосенняя погода. Было тепло и тихо. Над садом медленно проплывали длинные, узловатые нити паутины.

— Раньше в эту пору молодых казаков на смотр провожали, — задумчиво-мечтательно произнес Герасим. — Зерно на токах обмолочено, сады обихожены, поля вспаханы. В самый раз. А тут, глядишь, и оказия из станицы: через неделю смотр. И забегают наши казаки. Прежде-то как было? Все самим надо было справлять: и одежду, и коня, и сбрую. Да все должно быть таким, чтоб, как говорится, комар носа не подточил. Не зазря же казакам казенное жалованье платили. Вот приедут они в станицу, и поведут их на ипподром. А там уж с утра ни сесть, ни ступить негде. Всем хочется представление поглядеть. А кругом флаги, иконы, портреты царские развешаны, барабанщики с трубами рядами стоят, дробь бьют. А за длинными столами, сукном накрытыми, атаманы Всевеликого Войска Донского сидят. Каждый новобранец должен был в тот день показать все, на что он способен: и силу свою, и ловкость, и выучку коня, и джигитовку. Но прежде всего он пройдет с конем мимо комиссии, а потом сядет на него и проедет. А атаманы глядят на них да записывают: не мал ли конь для казака, не велик ли, пригожа ли стать его, подходящей ли масти. И лишь только тогда допустят его до экзаменовки. А опосля молодых на плац выедут настоящие казаки, служивые, и такое покажут людям, что над трибунами рев стоять будет. А моло-

дые глядят, да учатся у них. И не дай Бог молодому казаку не пройти эту комиссию и вернуться домой с отсрочкой. Ветютень, скажут. Засмеют. С ним потом ни одна девка не токмо чтоб гулять или в хороводе плясать, она и рядом-то с ним не станет. И на весь род его позор ляжет. Так-то вот, брат. Хорошо было прежде на хуторах, людно, весело, по вечерам гармонки играли, молодежь на посиделки собиралась, по праздникам в церковь ходили. А когда косить пойдём, так по всему Дону песни слышны. Не то, что теперь. А почему? Да потому, что подушное распределение земли было. Родился казак — получи надел, родился другой — получай еще. А всем хотелось поболее. Цари-то, они ведь не дураки были, понимали, как народец приумножать надо. Да и землицы России приращивать. Какая держава была! Какие люди! Хватятся когда-нибудь, да поздно будет. А коммунисты все поломали, что веками людьми создавалось. Вот и раскулачивание-то поголовное началось — истребление казаков. Босьякам всяким да беспортошникам иногородним доверено решать было, кто кулак, а кто нет. Стоит во дворе конь, значит, кулак. А какой же казак был тогда без коня? И при колхозах лучше относиться не стали. Приедет уполномоченный, бац кулаком по столу: «Чтоб такого-то числа столько-то пудов зерна было сдадено, а то я вас, кулачье недобитое...» И сдаем. А на трудодни уж и получать нечего. Что вырастишь в огороде, то и твое. Не было у нас кулаков, были хорошие хозяева. Един и могуч был российский народ православный. Ни красных тебе, ни белых. А теперь для германца мы все одноцветные.

НАХОДКА НА ЧЕРДАКЕ

Пришла осень. Начались дожди. Ночи стали длинными, темными, тревожными. Вот в одну из таких ночей я и услышал чьи-то осторожные шаги на чердаке.

А утром, подойдя к чердачной лестнице, я обнаружил на ее широких крашенных ступеньках прилипшие опилки, которые могли быть занесены на них только с чердака. То, что их не ветер намел оттуда, было очевидно, потому что они лежали на ступеньках в виде следов от сапог. Сомнений в том, что по чердаку кто-то ходил ночью, у меня не оставалось. Но кто и зачем? Своим там ночью вроде бы делать нечего, а посторонний проникнуть туда никак не мог, потому что дверь в чулане запирается на надежный засов. А впрочем, чем черт не шутит, подумал я и решил заглянуть на чердак. Открыв чердачную дверцу, я огляделся, но, кроме двух пустых деревянных ящиков, прислоненных к печной трубе, и покрытой пылью ветоши, ничего не увидел. Но когда я поднялся на чердак, то заметил на выступе трубы небольшой черный предмет. Я поставил ящик на ящик, залез на них и взял в руки таинственный предмет. Им оказалась довольно увесистая металлическая коробка с ручкой, большой линзой и телеграфным ключом. Я еще ни разу не видал такого предмета, но сразу же догадался, что это светосигнальный фонарь. «Вот это да, — подумал я. — Выходит, с нашего чердака кто-то с кем-то держит связь? Но кто же этот «кто-то», если не Иван?» Я положил фонарь на то же место, спустился с ящиков и подошел к чердачному окну. Через него над верхушками пойменного леса я увидел левый берег Дона и уходящую в глубь него лесную просеку. Лучшего места для передачи туда световых сигналов, чем наш чердак, не было.

«А говорят — пленный, дезертир, — вспомнил я хуторские разговоры. — Разведчик он. Вот он кто. И у Аксиньи он обосновался не случайно, а потому, что из глубины леса в створе просеки стоит только ее дом. И на мельнице он устроился не просто так, а

чтобы иметь побольше контактов с людьми. Вполне возможно, что у него есть еще где-нибудь и радиостанция. В общем, с Иваном все ясно. Разведчик он и точка», — окончательно заключил я и решил за ним понаблюдать. Однако как ни изощрялся я, повода, чтобы хоть немного утвердиться в своих умозаключениях, он мне так и не дал. На мой вопрос, в каком он был звании в Красной армии, Иван, улынувшись, ответил: «В самом что ни на есть высоком — гвардии рядовой». А на другой — «трудно ли выучить азбуку Морзе?» — «Не знаю, не пробовал».

Но светосигнальный фонарь-то на чердаке лежал, и кто-то же ночью по чердаку ходил. Не Аксинья же, в самом деле.

Потом дожди сменились морозами и снегопадами.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Третий и последний раз я видел рыжего Женьку в лютую декабрьскую стужу в герасимовой хижине. Он вошел в нее, когда мы сидели за столом и обедали. Сняв шапку, он притворно перекрестился и сказал:

— Хлеб вам да соль. С делом я к вам пришел, между прочим. Хочу Григорию работу предложить.

— Что же это за работа такая, что ты никого другого на нее не нашел? — помолчав, спросил Герасим.

— Работа не пыльная. Документы у иногородних проверять. У кого они есть, на немецкие заменят, у кого нет — в машину и в комендатуру. А там с ними сами немцы разберутся. Ну и, конечно, форма, зарплата, паек, сигареты — все, как положено. Так что не бойтесь, Григорий не переломится. Тем более, что большая часть иногородних давно уже взята мной на карандаш. У тебя же есть, Григорий, документ об освобождении?

— Вот теперича понятно, — ответил Герасим. — Только с подлыми делами ты уж сам как-нибудь справляйся, а других не втягивай.

— Странно слышать от тебя такие слова, дядя Герасим, — с обидой в голосе произнес доносчик. — Будто ты и не пострадавший от советской власти, а ждешь ее возврата вместе с Красной армией. Но нам с Григорием ее ждать нечего. Приказ Сталина знаете? Все пленные — изменники Родины. С ними один расчет: либо расстрел, либо Сибирь. К тому же

немцы уже Сталинград взяли и через Волгу переправляются. Так что решайтесь, Григорий, пора уже свою жизнь устраивать.

— Жду я кого или не жду — это не твоего ума дело, — ответил Герасим. — За это я только перед Богом ответственен, а от кого мы пострадавшие — слишком долго разбираться. Одно скажу, что в наши страдания не мало сил и твой батюшка положил.

— А при чем же тут мой батюшка? — насторожился доносчик. Он считал, что отцовские дела давно уже забыты, и о них вряд ли уже кто помнит на хуторах. Оказывается, помнят.

— Ну, а как же при чем? Это ведь по его подсказкам тогда людей раскулачивали. Сам-то он всю жизнь от земли бегал, как черт от ладана. То с лесорубами таскался, то грузчиком на пароход подряжался, то на царицынском вокзале с седлом на горбу бегал — чужие чемоданы таскал, все за длинным рублем гонялся, а из долгов не вылезал, потому что пил. А началась коллективизация, тут, как тут: представителем бедноты оказался и начал свое зло на людях вымещать, особенно на тех, кто с умом хозяйство свое вел. А ты спрашиваешь, при чем. Так что вы с батюшкой, считай, дважды меня раскулачили — сначала он, а теперь и ты. Не зря говорится, что от елки яблоко не родится.

Женька, наверно, уже сто раз пожалел, что связался с этим злопамятным стариком и его проклятым домом. Еще чего доброго расскажет немцам об отце, и тогда прощай карьера. А ему уже обещано местечко в полицейском отряде. Но, собираясь уходить, он все же решил услышать ответ от самого Григория.

— Ну так что, Гриша, согласен или нет?

— Нет, — был ответ.

— Ну, как знаешь, — сказал раздосадованный доносчик. — Только имей в виду, что немцы все равно не оставят тебя в покое. Не пойдешь в полицию, заберут на оборонные работы. Или обратно в лагерь. А иногородними и другие займутся.

— На какие же оборонные? — поймал его на слове Герасим. — Ты же только что сказал, что немцы через Волгу переправляются. Стало быть, брешь ты все.

Осведомитель ушел, громко хлопнув дверью.

А через два дня после этого к Герасиму прибежал Агафонов Иван и, еще не закрыв за собой дверь,

растерянно произнес:

— Не слышали ли вы, какую новость нам сорока на хвосте принесла? Женьку-то Карнаухова — убили! Нашли его в лесу с простреленной грудью.

И СНОВА ГРАБЕЖИ

В хутор нагрянули немцы. Большая часть их была в черной форме с черепами на фуражках и красных петлицах. Хуторяне, конечно, связывали их появление с убийством Женьки, но, как выяснится позднее, для этого была куда более важная причина, которую немцы тщательно скрывали от местных жителей. В конце ноября 1942 года наша армия окружила полумиллионную сталинградскую группировку фашистов и на широком фронте перешла в решительное контрнаступление. Чтобы задержать ее продвижение на запад, часть тыловых немецких дивизий выдвинулась к Дону и стала закрепляться на его правом берегу.

Свое обустройство гитлеровцы начали, как всегда, с грабежа местных жителей. Четыре эсэсовца ворвались в Аксиньин дом и под видом поиска «карабин, пистолет» стали обшаривать кладовки.

Увидав, что немцы пошли в сторону Герасима, мать решила опередить их и послала меня предупредить Наталью. Я невидимой с дороги тропой побежал к ним через сад.

— Прячьте скорее продукты. К вам немцы с обыском идут, — выпалил я с порога.

Наталья забегала по хате, не зная, за что хвататься, а потом сгребла все, что по руку попало, и сунула в еще не остывшую печь.

Когда я вышел из хижинки, немцы уже подходили к собачьей конуре. Увидав их, Жучок с лаем набросился на идущего впереди сержанта. Эсэовец отпрыгнул назад, а затем достал из кобуры пистолет и выстрелил в собаку разрывной пулей. Жучок только взвизгнул и замертво упал на окровавленный снег. Сержант вложил пистолет в кобуру, поднял глаза и увидел меня.

— А-а, масло, яйца, прячь? — догадался фашист, и его рука снова потянулась к пистолету.

Но пока он расстегивал жесткую кобуру, я в несколько неповторимых прыжков достиг края террасы и вместе со снежным карнизом исчез внизу. Я пролежал под снегом, не шевелясь, пока не окликнул и не откопал меня Григорий.

Чем дальше, тем жестче становился установленный немцами режим. Вскоре они запретили зажигать по ночам лампы, держать на длинной цепи собак, ходить на левый берег за дровами. Одну женщину застрелил снайпер, и она осталась лежать на льду под вязанкой карагача.

Поставили часового и за герасимовой хижинкой. Как-то раз мне понадобилось зайти за избушку, гляжу, а там немец. Присев на корточки, он доставал из-за пазухи вшей и клал их на обломок чугунной плиты. Насекомые белели от мороза, надувались и лопались, а их хозяин доставал из-за пазухи новую партию.

— Вас махэн зи?* — удивленный увиденным, спросил я.

— Ихъ штубирэ,** — без тени смущения ответил он.

* — Что вы делаете?

** — Изучаю.

Как не похож он был на тех надменных и самоуверенных суперменов, которых я видел летом в Чиру. В соломенных галошах, надетых на сапоги, в тонкой потертой шинели с подшитым снизу одеялом, в отвернутой на уши пилотке с какими-то немислимыми тряпочными наушниками, он напоминал скорее огородное пугало, чем сверхчеловека. И таких на хуторе становилось все больше. Неизменным оставался лишь их аппетит. Гитлеровцы отобрали у жителей все. Начался голод. Особенно чувствительно он ударил по беженцам. Истощенные и полураздетые, они ходили по дворам и просили милостыню. Нередко их можно было видеть и на колхозных полях разгребаящими снег, чтобы добыть из промерзшей земли хоть немного картофельных клубней. Вскоре и мы с матерью наполнили их ряды.

КА-ТЮ-ША

В один декабрьский морозный вечер я вышел из дома и увидел на северном горизонте летящие друг за другом огненные шары. Они выныривали откуда-то из Задонья и, описав пологую дугу, исчезали за лесом. Я побежал за Иваном, чтобы показать ему эту еще невиданную радугу. Он выбежал на порог, поглядел и сказал: «Ка-тю-ша», а я заметил, что он украдкой вытирает глаза.

А мы не предполагали, что Красная армия так близко и что она гонит фашистов назад. И тем более мы не знали того, что именно в тот самый день гвардейский танковый корпус генерала П. А. Ротмистрова, преодолев заснеженные и заминированные степи, где пять месяцев назад насмерть стояла наша пехота, уже освободил мою родную станцию и добывает Верхне-Чирскую группировку фашистов!

Опасаясь еще одного окружения — котла, гитлеровцы стали поспешно отступать в сторону Тормосина. Наблюдая за сборами немцев, хуторяне боялись — не стали бы они жечь дома при отступлении. Но гитлеровцы ушли так поспешно, что даже не успели забрать часть своей техники.

А произошло это ночью под Новый год. Я проснулся утром, и мать сообщила мне эту потрясающую новость. Лучшего новогоднего подарка невозможно было и вообразить! Ивана в это время не было. Я кое-как оделся и побежал к мельнице. Невдалеке от нее, на обледенелой дороге в гору, стояли три брошенных немецких транспортера. Предостерегала надпись мелом на борту: «Машины заминированы!». Оказалось, что немцы оставили их вынужденно, не сумев преодолеть образовавшуюся на дороге наледь. А сделал ее Иван, направив накануне вечером на дорогу трубу от незамерзающего родника.

Когда я вошел внутрь мельницы, то в ней стояла у стола рядом с Иваном незнакомая улыбчивая девушка, упаковывающая две брезентовые сумки. На

полу лежала связка использованных батарей. На верхней из них я прочитал: «...я анодная сухая».

— А от чего они, дядя Ваня? — спросил я.

— От мельницы, — улыбувшись, сказал он.

— Все шутите. Я и сам знаю, что от радиостанции, которая в этих сумках.

— Если знаешь, зачем спрашиваешь?

— Просто так. Проверить хотел. А вы светосильный фонарь на чердаке не забыли?

Иван остолбенел.

— Фонарь? А ты откуда про него знаешь?

— Знаю. Я даже в руках его держал.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

Вернувшись домой, я наспех поел, взял на всякий случай топор и веревку и пошел к Дону. Там я остановился у кромки пойменного леса и стал глядеть на скованную льдом реку — не идут ли по нему красноармейцы. Я хотел встретить их первым. И вдруг слышу за спиной:

— Ты что тут высматриваешь, хлопчик?

Я вздрогнул от неожиданности, повернулся и увидел рядом с толстой вербой человека с автоматом ППШ. Он был в теплой ушанке, валенках, ватных брюках и в белом полушубке. С красными погонами?

А человек со странными погонами глядел на меня и ждал ответа.

— Что же молчишь? Тебя немцы прислали сюда подглядывать? Скажи!

«Хитрит, — подумал я, — хочет, чтобы я признался, что встречаю красноармейцев, а потом пристрелит меня из автомата. Наверно, забыл, что у самого погоны на плечах... Нашел дурака».

— Я за дровами сюда пришел, а не подглядывать, — ответил я и показал топор с веревкой.

— Допустим. Ну, а немцы в поселке есть?

— Откуда мне знать. Вчера были, а сегодня я по хутору не ходил, как встал, так сразу же меня за дровами и отправили.

— Ну ладно, — махнул на меня рукой человек с погонами. — Вижу, кашу с тобой не сварить. Иди за своими дровами.

Когда я узнал от Ивана, что за то время, пока мы были в оккупации, в Красной армии ввели погоны, мне стало не по себе от такого несуразного поведения при встрече с нашим разведчиком. Да и на него я сильно обиделся: уж не мог спросить растерявшегося подростка, понимает ли он, кто стоит перед ним. Нет, не такой я себе представлял длинными зимними ногами свою первую встречу с красноармейцами.

А вскоре через хутор пошла конная артиллерия. Все хуторяне вышли на улицу глядеть на нее.

В тот незабываемый день одно волнующее событие сменялось другим. Узнав, что в колхозной конторе разместился штаб воинской части, туда засобирался Герасим. Он надел свой мундир с тремя «Егориями», расчесал усы и бороду и велел Григорию вести за ним коня. Подойдя к обалдевшему часовому, Герасим потребовал, чтобы к нему вышел самый старший чин. Через минуту на пороге конторы-штаба появился полковник. При виде его золотых погон бывший вахмистр приосанился, поправил усы, вытянул руки по швам и неожиданно бодрым голосом произнес:

— Здравия желаю, Ваше высокопревосходительство! Дозвольте обратиться.

— Обращайтесь, — серьезным тоном ответил полковник и козырнул пришедшему.

А в это время на них со всех сторон глядели улыбающиеся солдаты и офицеры.

— Вот привел вам пополнение, — сказал Герасим, показывая рукой на коня и смущенного Григория. — Обоих ранеными подобрал и, как говорится, на ноги поставил. Можете быть уверены, они вас не подведут. Слово старого солдата.

И только выслушав рапорт, полковник улыбнулся, обнял Герасима, трижды поцеловал и сказал:

— Спасибо, отец. Только какое же я высокопревосходительство? Это вы — наш славный народ — наше превосходительство, а мы — ваши верные сыны и защитники. Губайдуллин, — крикнул кому-то полковник, — ставь на стол, что положено, поздравим гостей с Новым годом и освобождением. Что же касается вашего молодца, — продолжал полковник, обращаясь к Герасиму, — то я о нем все знаю от одного известного и вам человека.

Домой Герасим вернулся, словно на крыльях. Слу-

шала Наталья, как тепло его встретили в штабе, и радовалась. Таким счастливым она не видала его уже лет двадцать!

Новогоднее солнце клонилось к закату, когда к нам на коне приехал прощаться «мельник» Иван. На нем было новенькое офицерское обмундирование, слева шашка, справа пистолет, а на погонах с двумя просветами — майорская звезда.

— А говорили, гвардии рядовой, — упрекнул я Ивана.

— Не обижайся. Так надо было, — ответил майор. — Писать-то мне будешь?

— Конечно, буду, — радостно ответил я. — Но куда?

— Вот тебе мой адрес.

Иван обнял нас всех и уехал в штаб.

А на другой день через хутор проехал в гору верхом на Вороном, запряженном в артиллерийскую упряжку, улыбающийся ездовой — Григорий. Они уходили вместе на запад добывать Тормосинскую группировку фашистов.

Рис. Ш. Ворошилова

«СПЕТЬ ПЕСНЮ, КОТОРАЯ НУЖНА ЛЮДЯМ!»

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕРЕК-ЭОК

Фото Вячеслава МОРОЗОВА

Благодаря ей любимым напитком всех россиян стала «чашка кофину». Догадались, о ком пойдет речь? Еще недавно имя Марины ХЛЕБНИКОВОЙ было почти неизвестно. Всего за несколько месяцев певица поднялась на вершины всех хит-парадов, покорила сердца многих зрителей и даже вышла на «Музыкальный ринг» с самой Ларисой Долиной! А перед состязанием она согласилась ответить на несколько вопросов.

— Марина, почему Вы выбрали соперницей Ларису ДОЛИНУ?

— Я не выбирала. Меня и мою команду пригласили. Подумали и решили, что поедем. Тем более, что «Музыкальный ринг» — такое красивое состязание, которое все смотрят с удовольствием. Но вообще-то я — несоревновательный человек.

— Вы сами подбираете себе репертуар?

— Да. Всем коллективом слушаем, выбираем. Занимаемся этим вместе. Очень трудно найти СВОЮ песню.

— Марина, расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве.

— Родилась я в Москве. Девочкой была с одной стороны послушной, а с другой — хулиганкой. Старалась очень хорошо учиться, ходила в музыкальную школу. Но по поведению однажды был «неуд».

— Вы помните свою первую любовь?

— Конечно. Это было в четвертом классе. Я по уши влюбилась в одного мальчика, даже похудела от любви на десять килограммов. Мама очень удивлялась — ребенок худеет, а кормит она по-прежнему.

— Марина, Вы уже не первый год на эстраде, а популярной стали совсем недавно. Ваши ощущения от столь стремительного взлета?

— Очень довольна! Наконец могу показать то, что делаю. И мои поклонники рады успеху. Теперь нужно работать дальше, чтобы оправдать доверие.

— А чего бы Вы хотели достичь на эстраде?

— Очень хочу спеть такую песню, которая была бы нужна людям. Помогала бы

жить. Я буду работать, работать, работать. Повышать свой профессиональный и культурный уровень.

— Если Вы сегодня проиграете, расстроитесь?

— Не знаю... Наверное, нет. Ведь само участие в этом шоу для исполнителя уже победа!

— Вы оптимист?

— Да. Причем неисправимый. Верю, что все и всегда должно быть отлично!

Соревнование на «Музыкальном ринге» для Марины ХЛЕБНИКОВОЙ окончилось не совсем удачно. Но певица не огорчилась. В конце концов, это только игра, условность. А выступлением своим она осталась довольна.

Беседу вела
Мария ВЕСЕЛОВА

ОТВЕТ НА ЗАДАНИЕ В № 6, 1998 г. «НАХОДЧИВЫЙ ДЖЕК»

Инокентий Спектров — наш Инспектор — не поверил в рассказ попутчика потому, что знал: собаки обладают чернотелым зрением, то есть видят весь окружающий мир как в черно-белом телевизоре, не различая цветов. Поэтому Джек не мог осознанно принести своему хозяину красную рубашку.

Рис. Н. Якубовской

БЕЗ РУК, БЕЗ ТОПОРЕНКА*

«С МИЛЫМ РАЙ И В ШАЛАШЕ»

Кто же не знает этой поговорки? Хотя, похоже, популярностью она пользуется только у романтически настроенных представителей человечества. Наши братья меньшие намного практичнее и меркантильнее в вопросе создания семьи. Многие пернатые и мохнатые невесты, прежде чем отдать свое сердце избраннику, наводят справки о его обеспеченности и придирчиво проверяют наличествующую у него недвижимость. Вот и приходится женихам ломать голову и пускаться на всякие хитрости, возводя для возлюбленных храмы и дворцы.

Самые великолепные архитектурные сооружения возводят тропические птицы шалашники. Эти удивительные и пока плохо изученные пернатые обитают на острове Новая Гвинея и в Северной Австралии. Сейчас известны 18 их видов. Когда у нас на севере начинается зима, в опустевших полях и лесной глухомани гуляют снежные вьюги, в Южное полушарие приходит весна — время сватовства и свадеб. Весной женихи 14 видов этих птиц начинают ремонтировать и украшать свои постройки или закладывают фундаменты новых, которые потом будут похожи на шатры восточных падишахов.

У ШАЛАШНИКОВ — СОВСЕМ НЕ ШАЛАШИ!

По особенностям конструкции сооружения шалашников можно разделить на четыре основных типа. Самые примитивные представляют собой лишь небольшую площадку, удачно вписывающуюся в микропейзаж, с которой тщательно удалены все травинки. Хозяева устилают площадку лишайниками, и каждый украшает ее на свой вкус: зубчатоклювый шалашник раскладывает на ней ярко-желтые листья, а шалашник Арчибалда — кучки белоснежных раковин сухопутных моллюсков.

К двум другим типам относятся шалашы, имеющие центральную опору и окруженные дворником. Они могут достигать в высоту полутора метров и кажутся такой небольшой птице — значительно меньше вороны — небоскребами. У других центральный шалаш невелик, зато стенки дворника достаточно высоки.

Наконец, золотой шалашник строит две конические башенки вокруг близко расположенных молодых деревьев. Непременным атрибутом такого сооружения являет-

ся горизонтальная ветвь, соединяющая оба шалаша как коридор.

Постройки остальных шалашников напоминают проходы между двумя высокими заборами, сплетенными из ветвей. У одних видов птиц коридор короткий, у других — более длинный, у третьих это два пересекающихся прохода.

И ОРХИДЕЮ НА КРЫШУ!

Сами постройки — шалашы, стенки и примыкающие к ним площадки — хозяева украшают кто как может: блестящими надкрыльями жуков, красивыми камушками, раковинами, яркими плодами, ягодами, листьями, перьями, цветами, даже высаживают на крыше шалашей живые орхидеи. И, конечно, используют все яркое и блестящее, что осталось в природе после человека: предметы бижутерии, пуговицы, яркие пробки и стеклышки от разбитых бутылок, пачки из-под сигарет и детские игрушки — всего не перечислишь.

Мало того, некоторые наиболее одаренные строители окрашивают угольной пылью или синим соком плодов внутренние стенки своих построек. А чтобы невесты знали, где находится резиденция жениха, строители начинают петь, оповещая обитателей окрестностей о своем существовании.

РАЗБОРЧИВЫЕ НЕВЕСТЫ

Сооружения шалашников не предназначены для жилья. Их следует считать «дворцом бракосочетаний», потому что именно там происходит знакомство невесты с женихом и ритуал сватовства.

Успех сватовства жениху не гарантирован. Решение целиком зависит от невесты. Она не «бросится на шею» первому встречному, даже если он ей и приглянулся. Разборчивая невеста познакомится еще с несколькими претендентами, чтобы было из кого выбирать. Хотя случается, что, обойдя в округе владения всех женихов и всех сравнив, она вернется к тому, с кем познакомилась вначале, и сообщит, что согласна на брак.

Чем же руководствуется невеста, делая свой выбор? Самки атласных шалашников мельче самцов и одеты более скромно. У них темно-зеленая спинка, а грудь и брюшко желтовато-белые, с мелкими темными пятнышками. Так же выглядят молодые самцы, но к шести годам, достигнув полной зрелости, облачаются в яркий наряд.

Синий цвет пользуется у шалашников особой любовью. И невесты решительно отдают предпочтение более

* Главы из новой книги Б. Ф. СЕРГЕЕВА «Мои питомцы и другие звери» (начало см. в № 6 «Костра» за 1998 г.).

зрелым кавалерам, щеголяющим в таких одеждах. Казалось бы, все ясно: дам не интересуют молоденькие претенденты на сердце. Но не стоит делать поспешных выводов! Невеста, бросив беглый взгляд на расфуфыренного жениха, все свое внимание сосредоточивает на... постройке! На том, как она украшена.

ЗАПАСАЙТЕСЬ РЕКВИЗИТОМ!

«Дворец» атласных шалашников имеет вид довольно длинного коридора, направленного с юга на север. Площадка для приема невесты находится у его северного входа. Хозяин украшает ее желтыми соломинками и ярко-желтыми листьями. Здесь же могут быть голубые перья попугаев, синие и желтые цветы, блестящие надкрылья цикад. Крупные украшения, вроде раковины моллюсков и красивых камушков, укладываются ближе к краям площадки, чтобы они не мешали двигаться.

В отдельную кучку у входа в коридор жених складывает мелкие предметы. Они находятся здесь не для украшения. У них особое предназначение: это реквизит для предстоящего ритуала сватовства. Как только возле шалаша появляется невеста, жених тотчас распускает свое роскошное оперение, выбирает из кучки у входа самый красивый предмет и, повернувшись к даме, пытается привлечь ее внимание.

Он периодически издает стрекочущие крики и в такт им взмахивает крыльями. Эти вопли восторга чередуются с минутами молчания, которые вдруг сменяются певнятым бормотанием, фырканьем и имитацией голосов других видов птиц. Чем старше птицы, тем более сложные звуки они издают.

Ну, а невеста? Она больше интересуется дворцом, чем его хозяином. Не задерживаясь на площадке, она отправляется в коридор и начинает дергать то за одну, то за другую веточку, видимо, проверяя прочность постройки. Только убедившись в добротности сооружения, невеста начинает присматриваться к жениху. Но в любой момент, если разборчивой гостье что-то не понравится, она может прервать знакомство и с достоинством покинуть резиденцию. Так бывает довольно часто. Но если хозяин участка сумел затронуть женское сердце, тогда его удостоит благосклонным вниманием.

Б. Ф. СЕРГЕЕВ,
доктор биологических наук

В следующем номере вы узнаете, почему невеста не безразлична к имуществу жениха, зачем строители частенько навещают дворцы своих соседей, о коварных действиях конкурентов-неудачников, о хитростях кандидатов в холостяки и... Читайте августовский номер!

Рис. Е. Морозова

ИНТЕРЕСНЫЙ

ПЕРЕЛОМ

Однажды я попала в больницу, потому что повредила позвоночник. Я лежала целый месяц, и нельзя было вставать. Сначала было очень скучно... Но потом! Потом мама принесла нам в палату «Костер» с фантастической повестью Сильвио Джильи «Необыкновенные приключения в космосе». И читала нам велух. А мы слушали. И мотали на ус. Самое интересное начиналось тогда, когда уходили все родители. Мы прикалывались, болтали и учили марсианский язык «Чи». А когда совсем его освоили, стали писать записки мальчишкам в другие палаты. А медсестра Лена, как тайная связная, их передавала. Потому что все мы были лежачие. Я переписывалась с Женькой из четвертой палаты. Я спросила его, как он попал в больницу. Ответа долго не было. И вот... получаю огромное письмо! Все на языке «Чи». Долго мы его расшифровывали, наконец прочитали:

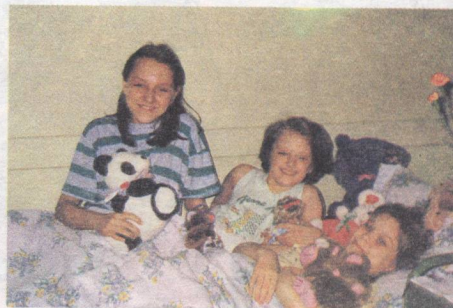
«Я гулял во дворе. Совсем один. Вдруг мимо проносится джип и с визгом тормозит рядом со мной. Распахиваются дверцы — и оттуда вылезает человек сто мальчишек и начинают меня бить. Но я не растерялся и позвал на подмогу! Подмога не прибежала. Джип поехал на меня. Я подставил ему подножку. Вдруг что-то захрустело. Это были мои кости. Но я не огорчился: вытащил из кармана гранату и бросил в джип. Раздался взрыв, и все погубил. Смертью храбрых. Кроме меня. Я, израненный, пополз. Была ночь. Но я все полз и полз. Очнулся утром. В луже крови. Приехали санитары. Но не заметили меня, и машина проехала по мне. Потом заметили и привезли сюда. И вот я весь лежу в бинтах, с переломанными ребрами, перекушенным позвоночником, пришитыми руками и ногами и с жутко сплюсненным лицом».

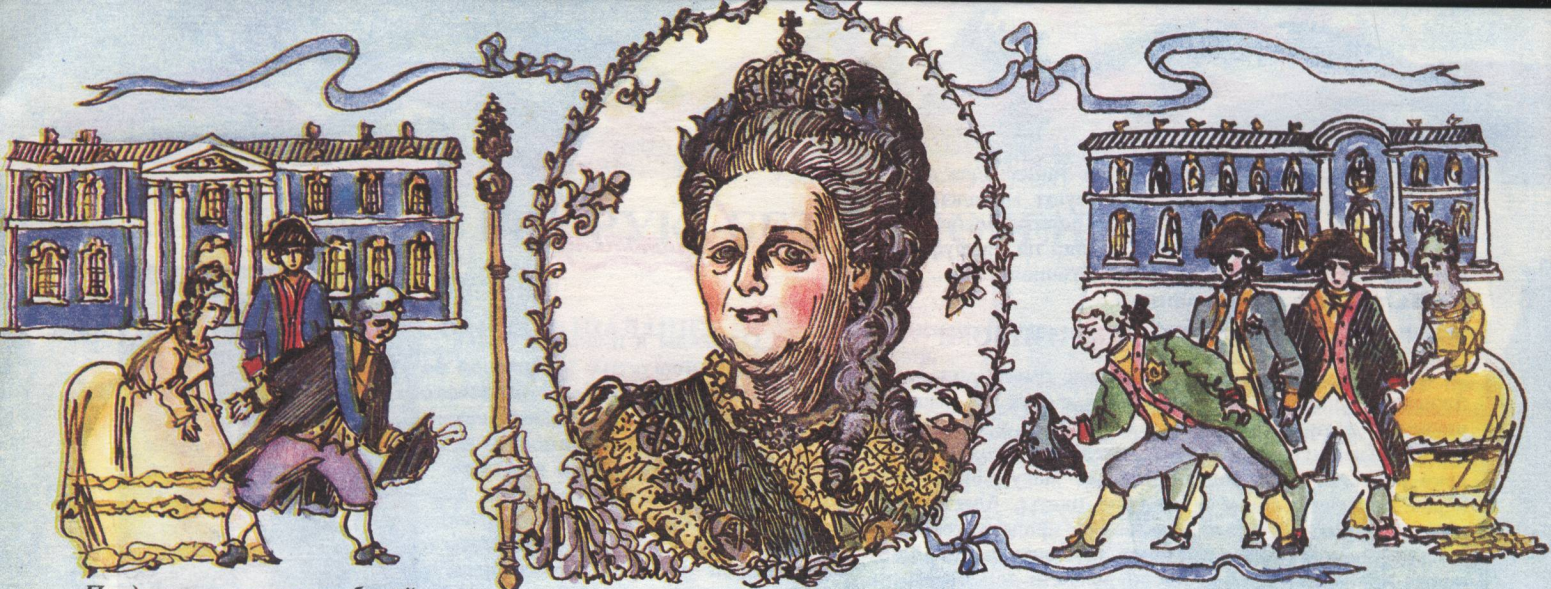
Конечно, Женька врал. У него был сломан один палец. А письмо они сочиняли всей палатой. Короче, в больнице было очень интересно. Мы смотрели телек до трех ночи, рассказывали смешные истории, читали журналы, разговаривали на языке «Чи», а когда надоедало, слушали плеер. А еще там был доктор Нестеров, который нравился всем девчонкам. И мамам тоже. И даже папы его слушались. Потому что он веселый и добрый.

А когда меня выписали домой, мы все ходили друг к другу в гости!

В общем, если что случится, проситесь в нашу больницу св. Марии Магдалины, что на Первой линии Васильевского острова, не пожалеете!

Катя ПОЛЯКОВА,
2-6 класс 12 школы,
Петербург

«Преданья старины глубокой...»

125 лет назад, в 1783 году, фаворит Екатерины II граф Григорий Александрович Потемкин реализовал свой проект присоединения Крыма к России, получив за это титул светлейшего князя Таврического. Тогда же началось освоение Северного Причерноморья, на Черном море зародился военный и торговый флот, а на карте России появились новые города — Херсон, Николаев, Севастополь и Екатеринослав, которому должно было стать третьей столицей могучего государства.

Но в русскую историю эти годы вошли не только как достижения России и празднования юбилея правления передовой царицы Екатерины II. Ее государственная политика оказалась не такой уж прогрессивной, а в русском языке появилось новое выражение — «потемкинские деревни».

СЕВЕРНАЯ СЕМИРАМИДА И ЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЮГ «НАЯРДНЫЕ ФАСАДЫ С НЕОПРЯТНЫМИ ЗАДВОРКАМИ»

Имя легендарной Ассирийской царицы Семирамиды, знаменитой своей мудростью, дали императрице Екатерине II энциклопедисты Вольтер и Дидро. Екатерина любила, когда ей льстили: она была очень умна, хитра и тщеславна, иногда, как она сама признавалась, до умопомрачения.

С помощью дворцового переворота она — 26 июня 1762 года — завладела российским престолом, отстранив от него своего мужа Петра III, убитого во время переворота. В своих интереснейших «Записках», которые она вела всю жизнь, Екатерина пишет, что «е пятнадцать лет русская корона ей правила больше, чем оеоба супруга». Но корона была получена ею, когда ей было 33 года. Восемнадцать лет она жила «как дикая птица в клетке», под тиранией тетушки императрицы Елизаветы Петровны. За каждым ее шагом следили, каждое слово поделушничалось и сообщалось Елизавете. Сквозь замочную скважину подсматривалось, что делается в ее комнатах.

Через девять лет она родила сына — Павла Первого, которого у нее тотчас отняли и впервые показали только через

сорок дней. За 18 лет такой жизни Великая княгиня Екатерина непрерывно и настойчиво работала над собой. Очень много читала русских, немецких и французских книг: прочла она их необъятное количество! Увлекалась сочинениями Вольтера и переписывалась с ним.

Ее трудно было заставить врасплох: она всегда была в полном сборе. Своим обхождением с окружающими Екатерина облагородила жизнь русского двора: обязательными стали приличные манеры и пристойное поведение. В своих «Записках» она вспоминает придворную жизнь в России, как «принудительную фантазмагорию, где здоровое и безумное смешиваются в разных сочетаниях, легко переходя одно в другое!»

Английский посол писал из Петербурга в Лондон: «Россия настолько отстала от Европы во всех отношениях, что имеет право на название образованного народа, одинаковое с Тибетским Государством».

В первые годы своего царствования Екатерина обворожила всех своими обеща-

ниями, «Наказами» и Манифестами. Со своими подданными она разговаривала трогательным языком. Ни один правитель России так с ними не разговаривал! В Манифесте 6 июля 1762 года, на шестой день после восшествия на престол, она обещала «установить государственные учреждения, в которых управление шло по точным и постоянным законам». Она заявила, что «с подданным надо обращаться не как с будущим преступником, а как с настоящим гражданином!» В «Наказе» было сказано, что «Государство в нас самих! В наших домах, а не в казармах или канцеляриях... Благополучие страны состоит в кротком и снисходительном правлении... Великое несчастье для государства, когда никто не смеет высказать своего мнения!»

Известен случай, когда Екатерина в самом начале своего царствования совершила поступок в соответствии с мыслями, высказанными ею в Манифесте и в «Наказе». Когда ей доложили о крайней нужде в деньгах и о том, что русская армия в Пруссии не получает жалования уже восемь месяцев, императрица на заседании сената, в присутствии всех сенаторов заявила, что она сама принадлежит государству и поэтому считает, что все, что ей принадлежит,

Рис. В. Иванова

является собственностью государства. И впрямь не должно быть различия между интересами государства и ее собственными. И тут же приказала выдать из ее «компаний денег», то есть лично ей принадлежащих, «сколько надобно было на государственные нужды».

У всех сенаторов были слезы на глазах, все встали и благодарили Екатерину за великодушный поступок!

Но от всего того, что было обещано Манифестом, и что было бы достойно для выполнения последующими правителями России, с течением времени не осталось и следа. Хотя история последних лет царствования Екатерины представляется, по общему впечатлению — стройным и величавым зданием, «вблизи в подробностях был хаос и неурядища». Вся государственная политика Екатерины оказалась, по мнению историков, «системой нарядных фасадов с неопытными задворками».

Тщеславие, доходившее до умопомрачения, делало ее игрушкой в руках ловких льстецов. Под конец ее жизни в России наступил период «обласканных воровства». Крали и тянули повсюду. Воровали провинно даже из Зимнего Дворца. Казна обмелела полностью, а настроение было примерно такое: «Все тянут и всем хорошо — что же тут плохого?»

И вот на этом фоне, как бы не замечая всего этого, Потемкин и Екатерина реша-

ют отметить в 1787 году двадцатипятилетие ее царствования. Задумали они «скромную» задачу: как можно быстрее построить новый великий город — третью столицу государства — и назвать его Екатеринославом. Запланировано в нем было и строительство различных достопримечательностей: собор — не меньше собора Святого Петра в Риме! Потемкин хотел, «чтобы он был на аршин длиннее». Выстроить университет, биржу, театр, музыкальную Академию, 12 фабрик, «судилище на подобие древних базилик». А так же лавки, вроде Афинских прописев. В общем, величайший город всех времен и народов.

План был наспех кое-как выполнен, и намечена «презентация» (это слово существовало и в екатеринское время!) города Екатеринослава. Приглашен был весь «вельможный двор» — вместе с зарубежными принцами и королями. А после презентации предполагалось сделать водную экскурсию... в Крым! Только и всего! И под все эти бредовые идеи Екатерина давала денег и людей.

Немудрено, что после смерти Екатерины осталась долг казне в размере 200 миллионов рублей! Что почти равнялось доходу последних трех с половиной лет ее царствования. (Сумма государственных доходов страны за год равнялась 69 миллионам рублей.)

Екатерина совершала поездки по России и в первое десятилетие своего царствования. Но они носили ознакомительный характер. В 1763 году она ездила в Ростов и Ярославль, в 1765 года — плывала по Ладожскому озеру, в 1767 году совершила путешествие, которое она сама шутливо называла «прогулкой на дачу». Это было путешествие от Твери до Казани. В этой «прогулке» участвовало 25 судов и в свите — около 2000 человек всякого звания.

Но по мере того, как императрица старела, больше хворала и легко накапливала брюзгливую усталость — грандиозность и парадность поездок все нарастала. Путешествие Екатерины Великой в Крым буквально превратилось в народное бедствие, подобное землетрясению или наводнению. И было сотворено оно собственными руками Потемкина и Екатерины.

И. МЕТТЕР

Окончание следует

1. Этим летом брат и сестра Спектровы с друзьями отправились по туристскому маршруту. На пути им встретилось красивое лесное озеро.

2. Первое, о чем подумали туристы, услышав местных ребят, — доплыть до острова на плотике, связать раненого лосенка, чтобы не брыкался, и перевезти его на берег.

3. Озеро оказалось таким глубоким, что на плоту без весел, с шестом, можно было передвигаться только вдоль берега.

4. Оказалось, что на плоту туда трудно доплыть, а без надежных весел лосенка вообще не переправить. Идея о пароме всем понравилась. Для этого надо привязать веревку одним концом к сосне на острове и закрепить другой конец на берегу.

5. Что придумал Иннокентий, чтобы привязать веревку одним концом к сосне на острове, устроить паром и при этом не лезть в холодную воду?

За правильный ответ — 20 очков.

Рис. О. Зайцевой

Ответ на задание в № 6 с.м. на стр. 21.

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ «ЛЕНИЗДАТА» — "ДЕНЬ СКАЗОК"

(условия см. в «Костре» № 2, 1998 г.)

Помните, чем заканчиваются все сказки? Правильно, каждому герою воздается по заслугам. Вот и нам пора подвести итоги сказочного конкурса и наградить победителей — десять сказочников-отличников, набравших 35 конкурсных баллов, по пять очков за каждое из семи заданий. Писем с ответами пришло много, а вот войти в число лучших удалось далеко не всем. Многие наши читатели так и не смогли ответить на некоторые вопросы. Поэтому приводим ответы на конкурсные задания, составленные из писем наших победителей.

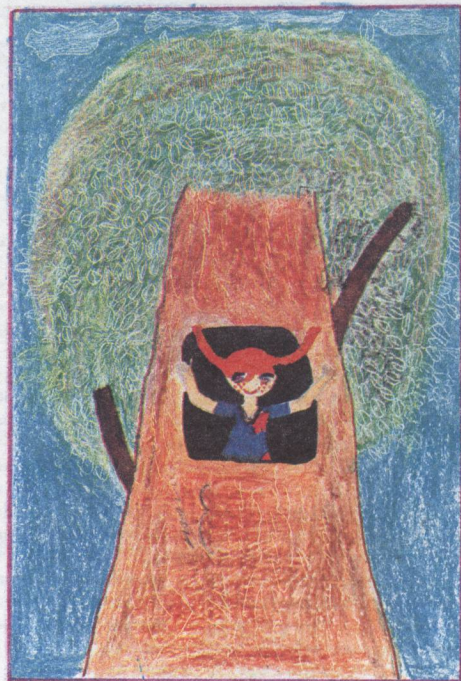
УРОК ПЕРВЫЙ. РУССКИЙ ЯЗЫК. «Мне пришлось немного потрудиться, — пишет десятилетняя **ГАПОНЕНКО Яна** из Владивостока, автор одного из лучших писем, — чтобы найти нужный ответ. Я выписываю «Костер» первый год, а ответ находился в предыдущих выпусках, поэтому я пошла в библиотеку за ними. Там, в читальном зале, я посмотрела журналы за последние три года. И вот в номере 4 за 1995 год нашла долгожданный ответ. "Избушка на курьих ножках" — это сказочное строение имеет свои реальные прототипы. В старину срубы, чтобы предохранить их от загнивания, ставили на пеньки с обрубленными корнями, похожими на куриные лапы. А еще я узнала, что Бабу Ягу, жительницу этой избушки, называют так тоже неспроста, а от старинного глагола "ягать" — "браниться". Рассказ Яны продолжает **Лиза ОСОКИНА** из Орла: «Второе выражение "К черту на кулички" произошло так. Кулички — измененное старинное слово "кулижки": лесные полянки, островки на болоте. Издревле считалось, что там водится нечистая сила».

УРОК ВТОРОЙ. МАТЕМАТИКА. «В сказке английского профессора математики Льюиса Кэрролла (Чарльз Лютвидж Доджсон) девочка Алиса менялась в росте 11 раз — в переводе Н. Демуровой. А в переводе Б. Заходера — восемь раз!» — **НИКИТИН Слава** (Калининградская обл.) «А я читал перевод Владимира Набокова, где героиню звали не Алиса, а Аня. В этой сказке Аня росла и уменьшалась девять раз». — **КОЛОБОВ Митя** (Архангельск).

УРОК ТРЕТИЙ. ИСТОРИЯ. «В этом вопросе речь идет о сказочной повести Джанни Родари "Джелльсомино в Стране Лгунов". Законы страны «честного человека» короля Джакомо Первого (на самом деле он был пиратом), который заставлял всех врать, были не страшны рыбам, потому что они молчат, птицам, потому что они летают высоко и стража не может их поймать, а еще голосу Джелльсомино, который разрушил стены тюрьмы и принес людям освобождение». — **ПОПОВА Катя** (Петербург).

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ. МУЗЫКА. «Это сказка Ганса Христиана Андерсена "Свинопас". Когда принца определили свинопасом Его Величества, и отвели ему убогую каморку рядом со свинарником, там он просидел целый день за работой и к вечеру сделал чудесный маленький горшочек, весь увешанный бубенцами. Когда в нем что-то варилось, бубенцы вызванивали старинную песенку "Ах, мой милый Августин, все прошло, прошло!". За него-то он и попросил десять поцелуев принцессы!» — **ОМЕЦИНСКАЯ Алиса** (Петербург).

УРОК ПЯТЫЙ. ЛИТЕРАТУРА. «Речь идет о повести Антония Погорельского "Лафертовская маковница". Настоящее имя писателя — Алексей Алексеевич Перовский (1787—1836). Он был внуком графа Кирилла Григорьевича Разумовского, последнего гетмана Украины и президента Санкт-Петербургской Академии наук. Родным племянником Перовского был известный писатель Алексей Константинович Толстой, на чье воспитание он оказал

Эту симпатичную Пеппи нарисовала ученица 3-а класса 27 школы Санкт-Петербурга **САЛЬНИКОВА Полина**. А письмо Полины с ответами оказалось самым интересным, правильным и очень подробным. Молодец!

большое влияние. Внучатой племянницей Перовского была революционерка Софья Львовна Перовская, организовавшая убийство Александра II. Хотелось бы добавить слова из приведенного в журнале письма Пушкина о том, что сам Александр Сергеевич после прочтения "Лафертовской маковницы" "...выступал плавно, зажемура глаза и выгибая спину". — **БАРМАШЕВ Дмитрий** (Салават).

УРОК ШЕСТОЙ. РИСОВАНИЕ. «Имя шведской писательницы — Астрид Линдгрен. Мой любимый герой — Карлсон. А еще мне понравились книги "Братья Львиное Сердце", "Мю, мой Мю", "Приключения Калле Блумквиста", "Расмус-бродяга" и "Пеппи Длинныйчулок". — **РЕШЕТНИКОВ Женя** (Волгоградская обл.). «А моя любимая героиня Линдгрен — Пеппи Длинныйчулок. Она мне нравится тем, что придумывает и что она с большим чувством юмора. Спасибо, Астрид Линдгрен, что Вы придумали такую девочку! Родители говорят, что мы с ней похожи!» — **БАРМАШЕВА Валерия** (Башкортостан).

УРОК СЕДЬМОЙ. ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК. «Сказка Эрнста Теодора Амадея Гофмана "Щелкунчик и Мышиный король". Крестный маленькой Мари — старший советник суда Дроссельмейер. Это был маленький, сухонький человечек с черной повязкой вместо правого глаза. Он был совсем лысым, поэтому носил красивый белый парик. Вот он и подарил на Рождество Мари волшебного человечка — Щелкунчика». — **ТИХОНОВА Женя** (Петербург).

Итак, победителями конкурса стали: **БАРМАШЕВЫ Дмитрий** и **Валерия** (Салават), **ГАПОНЕНКО Яна** (Владивосток), **КОЛОБОВ Митя** (Архангельск), **НИКИТИН Слава** (Калининград), **ОМЕЦИНСКАЯ Алиса** (Петербург), **ОСОКИНА Лиза** (Орел), **ПОПОВА Катя** (Петербург), **РЕШЕТНИКОВ Женя** (Волгоградская обл.), **САЛЬНИКОВА Полина** (Петербург), **ТИХОНОВА Женя** (Петербург). Каждый из них получит одну из следующих книг «ЛЕНИЗДАТА»: книгу сказок Джанни РОДАРИ и Сильвио ДЖИЛЬИ, книгу фантастических повестей-сказок Льюиса КЭРРОЛЛА и Джеймса КРЮСА, книгу сказочных повестей Урсулы Ле ГУИН и Дж. Р. ТОЛКИНА. Поздравляем победителей и желаем им приятного чтения!

Рис. Н. Якубовской

Русская сказка

БОЛТЛИВАЯ БАБА

— КАК ТОЛЬКО ЖЕНА ДОЗНАЕТСЯ — ПОЙДЕТ ТРЕЗВОМ. ПОМЕЩИК УСЛЫШИТ — ВСЕ ОТБЕРЕТ!

1

Пошел мужик в лес. Стал волчьё яму рыть и нашел клад. А жена у мужика была очень болтливая.

— А ТЕБЯ, ЗАЯЦЬ, Я В СЕТЬ ПОСАЖУ!

2

Думал мужик, думал и придумал. Клад закопал, место приметил и пошел домой. Дошел до реки, смотрит, а в сети бьется щука. Мужик щуку вынул и дальше пошел. Видит — в капкан зайца попал. Мужик зайца вынул, а в капкан щуку сунул.

— ЧЕГО СЕГОДНЯ ТАК РАЗБЕЛСЯ, БЛИНОВ НЕ НАПАСЕШЬСЯ!

ПУТЬ НЕ БЛИЗКИЙ, ДА И ДЕНЕГ ТАМ МНОГО, НАДО ПОПЛОТНЕЕ ПОУЖИНАТЬ.

3

Пришел мужик вечером домой. Попросил жену блинов испечь, да побольше. Сказал, что клад нашел. Жена обрадовалась. Живое печь затопила, стала блины печь. Мужик блин съест, а два да три в котомку — незаметно от жены.

— А ЭТО БЛИННАЯ ТУЧА ПРОШЛА ВПЕРЕДИ НАС!
— ОЙ, ГЛЯДИ-КА, НА СУЧЬЯХ-ТО, ВЕДЬ, БЛИНЫ!

4

Идут они ночной порой, мужик опередил жену и стал из котомки блины доставать да на сучья вешать. Жена заметила на деревьях блины.

— ЕСТЬ ЩУКИ: ТАКИЕ ЩУКИ: И ПО СУШЕ ХОДЯТ.

— ОЙ, МУЖЕНЕК КАК ЭТА РЫБИНА-ТО В ЗАЯЧЬЮ ЛОВУШКУ ПОПАЛА?

Подшли к капкану, мужик вынул щуку.

— НУ, ЧЕГО КВОХЧЕШЬ, НЕ ВИДИШЬ — ЭТО ВОДЯНОЙ ЗАЯЦ!

— ЧЕГО ЭТО СЕГОДНЯ ТВОРИТСЯ?

6

Пришли к реке. Мужик вытащил сеть, а в ней заяц.

— БЕЖИМ СКОРЕЕ. ЭТО НАШЕГО БАРИНА ЧЕРТИ ДАВЯТ.

— ОЙ, КАК СТРАШНО! КТО ЭТО?

7

Дошли они до места. Мужик выкопал котел, нагреб денег по ноше, и отправились домой. Дорога пролежала возле барской усадьбы. Вдруг заблеяли овцы.

— ЧЕГО ТЫ СЕГОДНЯ ТАК ПОЗАНО?

— МУЖЕНЕК МОЙ КЛАД НАШЕЛ, НОЧЬЮ МЫ ЗА НИМ ХОДИЛИ.

Прибежали домой. Спрятал мужик деньги, и сказал жене, чтобы она про клад никому не говорила. Жена обещала молчать. На другой день...

8

— ТЫ ЗАЧЕМ УТАИЛ КЛАД, О КОТОРОМ ТВОЯ БАБА ВСЕМ РАССКАЗЫВАЕТ.

— ДА У МОЕЙ БАБЫ НЕ ВСЕ ДОМА.

9

В тот же день по всей деревне только и разговору про клад. К вечеру дошла весть до барина. Приказал он мужику прийти.

— ВОТ ОТСЮДА, ГЛУПАЯ БАБА!

— А КАК МИМО УСАДЬБЫ ПРОХОДИЛИ, ТАК ТВОЮ МИЛОСТЬ ЧЕРТИ-ТО АРАЛИ.

— ВИДИТЕ ЧТО МОЕЙ БАБЕ ВЕРИТЬ НИ В ЧЕМ НЕЛЬЗЯ!

Пошел мужик домой, стал жить, поживать и до сих пор живет и над бариним посмеивается.

10

Велел барин позвать бабу. Она и поведала барину, как дело было: и как блины на сучьях висели, и как в заячьей ловушке щуку нашли, а в сетях — заяц.

Рис. Л. Уралеской

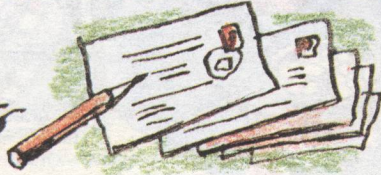
Весёлый звонок

ВЕДЕТ УЧИТЕЛЬ СМЕХА ЛЕОНИД КАМИНСКИЙ

КОНКУРС

«И все засмеялись!»

(По страницам «Весёлого звонка» прежних лет)

Странныйловель

Однажды мы купались в озере. С нами был Вова. Но он не купался, а стоял на берегу.

— Ты что не купаешься? — спросили мы у Вовы.

— А я не умею плавать, — ответил он.

— Совсем не умеешь?

— Только на берегу... — сказал Вова.

И все засмеялись!

(«Костер» № 7, 1985 г.)

Талкин сон

— Ой, у меня сейчас такое хорошее настроение! — сказала ребятам Галя из 10-го отряда. — Мне приснился очень хороший сон.

— И что же тебе приснилось? — спросила вожатая.

— Пусть лучше расскажет Оля: она со мной тоже во сне была!

И все засмеялись!

(«Костер» № 7, 1985 г.)

В последний раз

Наш третий отряд выстроился на отрядную линейку. Вожатый, увидев подбегающего к отряду Толю Синичкина, иронически сказал:

— Удивительно, Синичкин! Ты впервые не опоздал на линейку! Как это тебе удалось?

Толя сконфуженно ответил:

— Больше этого не будет, это в последний раз.

И все засмеялись!

(«Костер» № 6, 1983 г.)

На экскурсии

Как-то наш вожатый повел нас на экскурсию в соседний с лагерем колхоз. Мы побывали на животноводческой ферме. Миша Рыбин впервые увидел так близко коров. Он некоторое время внимательно наблюдал, как они жуют, а потом спросил:

— Неужели каждой корове отдельную жвачку покупают?

И все засмеялись!

(«Костер» № 6, 1983 г.)

Говорят малыши

Однажды мы с моей племянницей Катей пасли на лугу козу Милку. Я прилегла на траву и задремала. Но вот я открыла глаза и слышу, как Катя шепчет козе: «Шерстяная ты наша, пуховая...»

Оля РАЗМЫСЛОВА,
Сыктывдинский район

Мама однажды спросила у Пети, кем он хочет быть, когда вырастет. Петя сказал:

— Я хочу стать дипломатом!

Тут маленькая Петина сестренка Анюта удивленно воскликнула:

— Что? Ты хочешь стать чемоданом?

Аня ЧУГУНОВА,
г. Москва

Как-то мы гуляли с братом во дворе. Из дома вышла мама и обратилась ко мне:

— Сынок, пошли домой.

А мой маленький братик тут же повторил:

— Сынок! Пошли домой!

Дима БАРАНОВСКИЙ,
Архангельская обл.

А что у вас смешного было летом?
Друзья! Скорей пишите мне об этом!
Учитель смеха.

Рис. Ю. Александрова

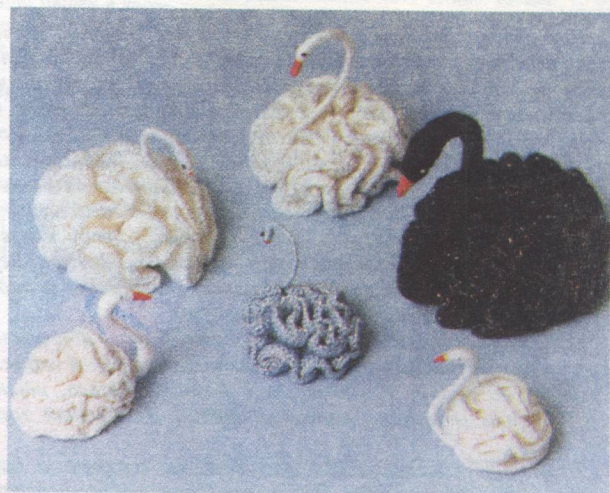
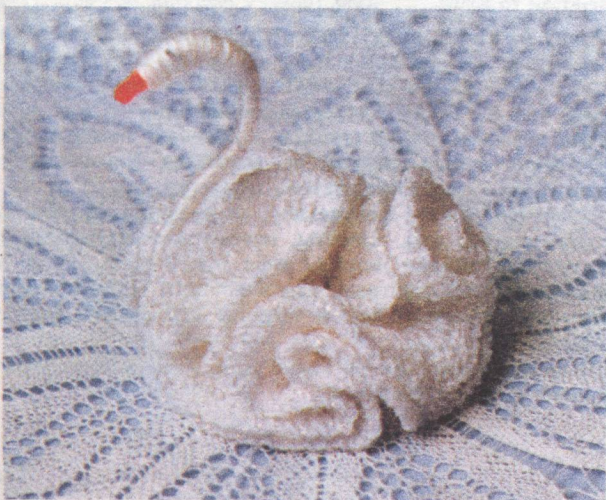

Здравствуй! Не устала еще загорать и бездельничать? Конечно, в хорошую погоду хочется только одного — насладиться летом! Но ведь бывают и дождливые вечера. Чем тогда заняться? Вот и хочу я предложить тебе рецепт хорошего настроения на случай плохой погоды. А называется он — «Лебединое озеро». Но это вовсе не балет, а...

противоположной закрутке проволоки, иглой на такую же нить со-брать петли (по 5—6 петель одновременно) поочередно с одной и другой стороны. Затем раскрутить и снять проволоку. Петли стянуть и шптку завязать. Теперь из проволоки надо изготовить каркас фигуры лебеда (см. рисунок на текете). Этот каркас надо плотно обмотать нитками. Клюв — красной нитью, затем головку — нитью основного цвета в 2—3 слоя и плавно перейти в один слой. Фломастером или ручкой нарисуй глаза. Связанную часть прикрепи нитками к проволочной петле. Сделай красивый изгиб шеи и... выпускай свою чудо-птицу на волю!

Нам потребуется крючок № 2-2, 5, однотонные шптки такой же толщины и проволока для изготовления каркаса и вспомогательного кольца.

Из проволоки сделай кольцо диаметром 7—9 см, концы проволоки соедини скручиванием. Набери 1 ряд — 90 столбиков с накидом, на проволочном кольце. 2 ряд — 180 столбиков с накидом, то есть из одной петли набираем 2. 3 ряд — 360 столбиков с накидом, 4 ряд — обвязать без накида с серебристой шпткой. От середины,

Этих лебедей связали ученицы 9-го класса школы № 38 Приморского района Петербурга СИНЬКОВА Наташа, ФЕЙГИНА Аня, ПОЛЕВАЯ Юля и НЕДИКОВА Ира. А этот лебедь — работа их учительницы Натальи Марковны БИНЯКОВОЙ.

БЛИЗНЕЦЫ*

ЗВЕЗДНОЕ

Сразу за Тельцом в зодиаке следуют Близнецы. По современному календарю солнце проходит созвездие Близнецов с 22 июня по 22 июля. В наших широтах лучше всего наблюдать это созвездие осенью, когда уставшее от летней работы дневное светило уходит на зимний отдых. Именно тогда появляются из-за горизонта две очень похожие на первый взгляд яркие звезды. Не спеша, всегда рядом, пересекают они небосвод, участвуя во всеобщем суточном движении. Древним наблюдателям эти звезды казались совсем одинаковыми. Потому, наверное, и называли их люди небесными братьями. Одни уверяли, что это Аполлон и Гераклес — дети верховного бога-громовержца Зевса, другие считали их Диоскурами, героями мифов, неразлучными братьями Кастором и Полидевком. А всю группу звезд, в которую входили небесные братья, астрономы окрестили созвездием Близнецов.

Позже названия солнечного бога и великого героя Гераклеса перешли к другим небесным объектам. И за двумя звездами остались имена Диоскуров. Римляне переняли у древних греков миф о Диоскурах. Только Полидевка назвали по-своему — Поллуке. Так с тех пор их и стали называть звездочеты: Кастор (α Близнецов) и Поллуке (β Близнецов). Много историй о братьях-близнецах осталось в греческой и римской мифологии. Одни из вариантов мифа я и перескажу.

Правил некогда в гористой Этолии, расположенной в центре Греции, царь Фестий. И была у него красавица-дочь Леда. Все было бы хорошо в царстве, если бы не воинственные соседи. Очень уж они досаждали Фестию.

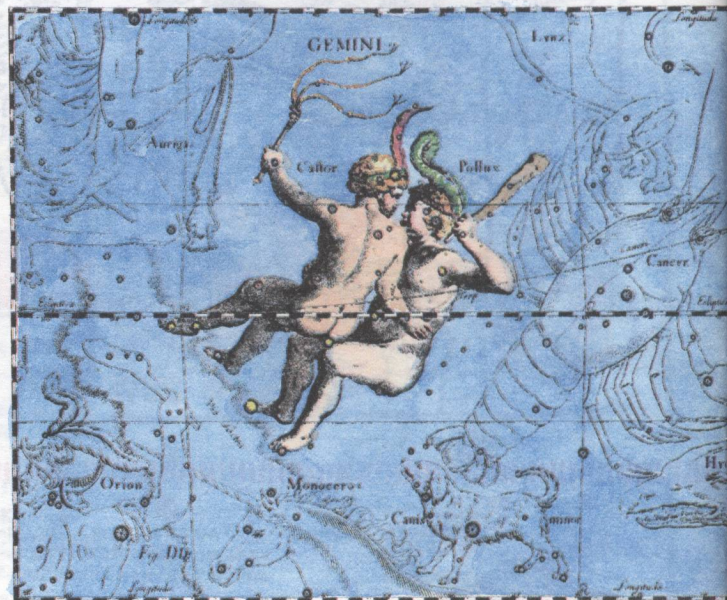
Но однажды поступался к нему в городские ворота спартаец Тиндарей. Был он царем в своей стране, пока коварный брат не изгнал его из страны, устроив заговор. Тиндарей был смелым воином и немало помог Фестию в отражении набегов соседей. В знак признательности за оказанную помощь отдал царь Тиндарею свою дочь в жены.

У счастливой пары родились дети: две девочки, которых назвали Клитемнестра и Елена, и два близнеца-мальчика — Кастор и Полидевк. Девочки выросли писаными красавицами, а братья — смелыми воинами. Никто из людей не мог сравниться с Кастором в умении управлять конями, запряженными в колесницу. И не было равных Полидевку в кулачном бою. В каких бы битвах ни бывали братья, никогда один не забывал о другом. Славились они и своим гостеприимством. За силу и отвагу люди прозвали их Диоскурами, что означало — «сыновья Зевса». Верховный бог признал одного из братьев, Полидевка, и наделил его бессмертием.

Однажды Кастор, не поделив стадо быков, поссорился со своим двоюродным братом, и тот пронзил его копьем. Бросился на убийцу Полидевк и, с помощью Зевса, одолел его. Но это не спасло раненого брата. Безутешно горевал юноша.

Чтобы не расставаться, попросил он верховного бога взять у него бессмертие. Тогда он снова сможет встретиться с братом в царстве телей. Такая привязанность братьев тронула сердце Зевса. Он подарил Кастору часть бессмертия Полидевка и превратил братьев в яркие звезды, поместив их на небо. Сделал он это для того, чтобы оттуда они своим сиянием всегда напоминали людям об истинной братской любви.

В небесных атласах близнецов изображали по-разному. Например, на звездных картах испанского короля Альфонса X, правившего в XII веке и большого любителя астрономии, они представлены в виде Адама и Евы. А на рисунке XVII века — как два воина. Только у Кастора в руках еще и лира.

Созвездие Близнецов из звездного атласа XVII века

В начале XIX века английский астроном Уильям Гершель (1738—1822) с помощью своего телескопа обнаружил, что Кастор — двойная звезда, состоящая из Кастора А и Кастора В.

В пределах того же созвездия Близнецов этот замечательный астроном открыл 13 марта 1781 года планету Уран, неизвестную до того ученым.

Прошло несколько лет, и внимательные наблюдатели отыскали еще одну, третью звездочку в этом содружестве — Кастор С. Стала звезда Кастор считаться тройной. Первые две составляющие — голубые горячие гиганты, а третья — холодный маленький карлик.

Когда астрономы научились распознавать звезды по составу их света, пользуясь спектральным анализом, ученые ждала еще большая неожиданность. Все три Кастора, каждый сам по себе, тоже оказались двойными звездами, только очень близко расположенными друг возле друга, и потому не различимые в обычной телескоп. Значит яркая звезда Кастор из созвездия Близнецов, на самом деле — сложная система из шести звезд!

Если вы любите фантастику, то представьте себе, что в этой системе есть планеты, населенные разумными существами. Как они должны себя чувствовать, когда на их небе появляются сразу шесть солнц?.. Поллуке же по всем исследованиям так и остался одиночным желтым гигантом.

Но уж, коли мы заговорили о фантастике, значит пришло время побывать н...

ФЫ. О НЕБА

В ГОСТЯХ У АСТРОЛОГА

Для астрологов время с 22 июня по 22 июля проходит под знаком созвездия Рак.

Рак — четвертый, водный знак Зодиака. Его правящая планета — Луна. И, как непостоянная Луна, за 28 дней четырежды меняющая свои фазы, так же должны быть непостоянны и люди, родившиеся под знаком Рака. Среди них немало талантов, хотя многие из них очень чувствительны и легко поддаются настроению. «Раки»

честолюбивы, но скрывают это, потому что по своей природе довольно подозрительны. К задуманной цели «раки» подбираются обходным путем, но достигнув желаемого, держат крепко и не выпускают из рук. Главная беда «рака» — его стеснительность и неумение легко общаться с посторонними людьми. Среди «раков» немало выдающихся людей, черты характеров которых не всегда укладываются в предначертания астрологов. Например, французский математик, физик и философ Блез Паскаль; Томас Юнг, гордость английской физики; голландский художник Рембранд и поэт Анна Ахматова.

Счастливые числа «раков» — двойка и все, кратные 2. Астрономические цвета — серебряные, болотно-зеленый, бледно-оранжевый.

Счастливые камни — опал, горный хрусталь.

А. ТОМИЛИН

ЧЕМПИОНАТ-98

Боевые задания седьмого тура ждут вас, доблестные разведчики. Расставьте фигуры и — в разведку. Успеха вам!

ШАХМАТЫ

А. (В. Антипов). Белые: Kpd3, Фh1, Kd1; черные: Kpc1, пп. c2, d2.

Б. (Л. Куббель). Белые: Kpg6, Ke7, Kh1; черные: Kph8, Kh5, п. h6.

Цель разведки: определить, как в А даётся мат в 2 хода, а в Б — в 3 хода.

ШАШКИ

А. (С. Ковалев). Белые: c1, e3, e1, e5, f4, g1, h2; черные: a5, b6, c7, d6, g7, h4, h6.

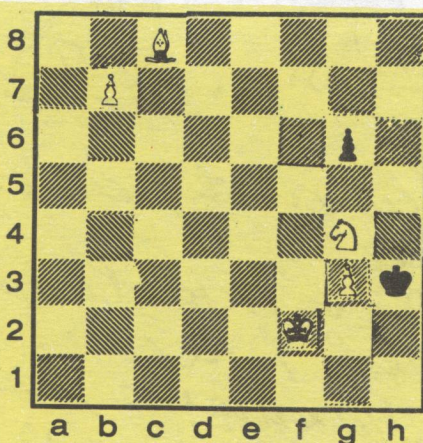
Б. (С. Ковалев). Белые: c3, d2, e1, f2, g3, h2; черные: a5, c7, e5, f8, g5, g7, h8.

Цель разведки: определить, как белые одерживают победу в А и как — в Б.

БЕЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ

На диаграмме задача — мат в три хода. Если вы хотите решить ее самостоятельно, то дальше не читайте, а приступайте к решению. Но если чувствуете себя не совсем уверенно, присоединяйтесь к нам — пройдем «полпути» вместе.

Черный Король прижат к краю доски, но белым для такого быстрого мата (в три хода) нужна еще сильная фигура, лучше всего — Ферзь, который объявит смер-

тельный шах с h8 или с h1... Не правда ли, так кажется? Однако попробуйте сделать это, попробуйте пойти 1. b8Ф, и вы увидите, что мат в три хода не получится. Все расстроит возникающий пат.

А Пешка b7 словно дразнит! Зачем она? Непроста же стоит в позиции... Ведь «неработающих» фигур или пешек в задачах не бывает, так как лишние, не обязательные для решения, на доску не допускаются.

Наконец, перепробовав и то и это, вы говорите себе: «А что, если превратить Пешку в Коня?». Однако тут же отгоняете такую мысль, потому что — какое участие сможет принять Конь в казни его черного Величества? Ведь мат требуется дать в три хода, а тихоходный Конь этот будет далек от места заточения Короля...

И все же... И все же сделайте этот до странности неожиданный ход — 1.b8К! Сделайте! Потому что...

Но здесь мы расстанемся: «полпути» уже пройдено. Дальше двигайтесь самостоятельно.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Боевые задания пятого тура Чемпионата решаются так.

ШХМ. А. 1. Фd6! И если 1... Kpg7 или Kpg8, то 2. e8Ф, а если 1... Kpe8, то 2. Фе5! Б. 1. Kc4 e5 2. d5 e4 3. d4.

ШШ. А. 1. dc3! c:e5 2. gf4! e:g3 3. gf2! g:e1 4. ba5 e:b4 5. a:c7 b:d6 6. a:g5X. Б. 1. hg7! f:h6 2. cb2! a:e3 3. f:d2 h:f4 4. de3X.

А теперь — решения заданий конкурса «Майский приз».

ШХМ. № 1. Тут мат дается в два хода — 1. Ле3! № 2. Мат дается в три хода — 1. Cd2! f6 2. Ле3! № 3. Мат дается здесь в четыре хода — 1. Ch7! Kpa1 2. Kpb3 a2 3. Лg6!

ШШ. № 1. Белые выигрывают — 1. cd6! e:c5 2. hg3! d:b4 3. ed2X. № 2. И тут белые выигрывают — 1. dc5! a:c3 2. hg3! d:b4 3. cd2! c:e1 4. gh4X. № 3. А здесь выигрыша белых нет. Лишь ничья. 1. dc5 dc7! 2. cd6 ab2! 3. a:c3 gf6! =.

Призеры этого конкурса будут названы позже.

ПРИКАЗ № 6

Я, Главнокомандующий АРЧЕБЕ-Ком, приказываю:

§ 1. О выполнении боевых заданий седьмого тура отправить рапорты в течение месяца со дня получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Ежемесячный журнал
для школьников
«КОСТЕР»
ИЮЛЬ, 1998

Издается с июля 1936 года
Учредители: ТОО «Журнал "Костер"»,
Совет СПО-ФДО, Совет ФДО
«Юная Россия»,
СДО С.-Петербурга и области
© «Костер», 1998.

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакция: Н. Ю. ЖУЛАНОВА, Л. М. МОСКОВСКИЙ, Е. М. ПОЖИДАЕВА, М. В. ТАХИСТОВА, Н. Б. ХАРЛАМОВ (зам. главного редактора).

Адрес редакции 193024, Санкт-Петербург,
ул. Мытнинская, 1/20. Телефон: 274-15-72.

Сдано в набор 18.06.98 г. Подписано в печать 01.07.98 г.
Формат 60x90^{1/8}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4. Усл.
кр.-отт. 16. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 8000. Заказ № 7321.
ОАО «Иван Федоров». 191126, Санкт-Петербург, ул.
Звенигородская, 11.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются, а реше-
ния по ним сообщаются.

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Феде-
рации по печати. Рег. № 012647.

ВЕСЕЛЫЙ
ЗВУК

1858

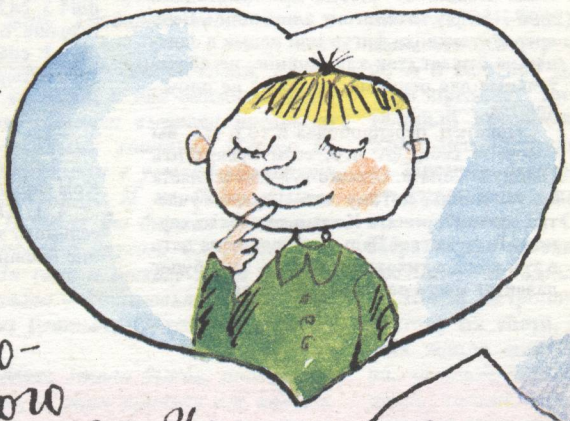
ИЗ ПИСЕМ В ЖУРНАЛ "КОСТЁР"

Я мечтаю
о настоящей
любви, чтобы
мой мальчик
носил за мной
портфель всю
жизнь. Нина К.

Дорогая редак-
ция!
Посылаю вам
свое письмо.
Напишите, по-
лучила ли вы
его, или нет.
Саша

Мне не нра-
вятся само-
уверенные
ребята.
Прпишите
мне адрес
мальчика, ко-
торый немно-
го стесняется. Люда И.

Можете исправить
мои ошибки, хотя
я пишу почти граммот-
но. Николай.

А вы слышали анекдот?..

Служитель зоопарка обеспо-
коенно говорит маленькому
мальчику:
— Мальчик! Сейчас же отойди
от клетки с тигром!
— Не волнуйтесь, — отвечает
мальш, — я ему ничего не сде-
лаю!

— Папа, ты помнишь, что обе-
щал мне подарить велосипед,
если я перейду в четвертый
класс?
— Конечно, помню. Ну, и как
дела?
— Могу тебя успокоить: ты э-
кономил деньги!

В парке разговаривают две
женщины:
— Я от своего Пети ужасно
устаю: он ведет себя так шумно!
— А у меня — видите — двое
близнецов.
— Так они, наверно, шумят
вдвое громче?
— Нет. Один шумит так, что
другого не слышно.

Анекдоты вспомнили: Гуля
КАРАВАЕВА (г. Смоленск), Юра
ГРОМОВ (г. Тобольск), Вася
УСОВ (г. Москва).

Друзья! Жду от
вас новых "ста-
рых" анекдотов!
Ваш учитель смеха